Прогулка под луной

Автор:
Алина Знаменская

Прогулка под луной

Алина Знаменская

Может ли молодая красивая женщина быть одинокой? Увы, да!

Маша в полной мере познала, что такое одиночество. Конечно, когда в ее жизни, наконец, появился шикарный мужчина, обещавший, что весь мир будет у ее ног, она не устояла.

Но сможет ли он стать действительно близким ей человеком?

Время покажет – ведь впереди героиню ждет невероятная, почти детективная история…

Алина Знаменская

Прогулки под луной

Галине Григорьевне Кабалиной, моей первой учительнице, человеку с большим сердцем, посвящается…

Глава 1

Еще в аэропорту ее кольнуло предчувствие. Какое-то смутное ощущение неприятности. С чего бы это? Разве что погода встретила не весенняя?

Ну, скажем так: не по-московски весенняя. Серый мелкий дождь, словно дразнясь, копировал лондонский, и у Маши возникло совершенно дурацкое ощущение обиды на погоду. Сегодня должно быть солнце, оно обязано кувыркаться в лужах и сочно шлепаться в чистые стекла здания аэровокзала. В аэропорту ее должен встречать Борис – высокий брюнет в длинном светлом плаще. Обязательно с букетом белых хризантем. Сияющий, как новая витрина. Импозантный до бесчувствия. Парень, на которого оборачиваются даже манекены в женских отделах супермаркетов. И убежденные старые девы. И… в общем, понятно. Так что погода ни при чем. Просто ее не встретил Борис. Это – во-первых.

Нет, все-таки Борис – во-вторых.

Когда Маша почувствовала на лице эту противную изморось (зонт она, конечно же, оставила в сумке, в багажном отделении), то поняла, что сегодня случится и «во-вторых», и «в-третьих».

Это известная примета: природа всегда дает намек на ближайшее будущее, просто не все замечают.

К черту намеки. Она – невеста! Через два месяца ее свадьба с Борисом! Не с каким-нибудь чудиком, а с Борисом Антоновым, финансовым директором фирмы «Альтаир», с парнем, о котором мечтают все девушки, когда-либо видевшие его хоть краем глаза.

Машина тетка из Самары утверждает, что Маша вытянула счастливый билет. Что за тяжелую и лишенную женского счастья материну долю Провидение вознаградило дочь. Ее Машу. Подарило принца.

– Такие, как твой Борис, производятся штучно. За таких надо держаться. Вцепиться мертвой хваткой и не дышать, – объявила единственная Машина близкая родственница.

– Ну это уж слишком, теть Свет. Мертвой хваткой…

Маше было смешно. Нет, она, Мария Сивцова, ни в кого мертвой хваткой не вцеплялась.

И Бориса не ловила никакими женскими штучками. Все было честно. Он сам выбрал ее из такой огромной когорты современниц. Чем уж она его прельстила?

Он упорно искал ее общества, дарил цветы и конфеты. Приезжал за ней на работу в своем шикарном «вольво» и на виду у изнывающих от зависти коллег переносил через лужи к автомобилю. Все было красиво. Именно так, как может мечтать девушка лет двадцати пяти, без особых притязаний, не имеющая богатых родителей (а точнее, не имеющая родителей вообще) и до сих пор живущая в коммуналке.

…Они познакомились на презентации магазина учебных пособий. Маша попала туда случайно. Ее с учениками попросили прорекламировать некоторый товар. Ребята задавали ей вопросы, она отвечала. Так как школа – с углубленным изучением английского, то все происходило на английском. Они двигались от стенда к стенду и возле каждого проводили мини-урок. Даже в микроскоп смотрели. Это была идея Машиных друзей, открывающих третий магазин. Идея понравилась – девушка не прочь была подзаработать.

Там, как водится, присутствовало множество представителей различных фирм, стандартно деловых молодых людей с одинаковыми манерами и одинаково одетых. Примерно как в наших рекламных роликах с сюжетами о частных банках.

По крайней мере она никого из присутствующих не запомнила. Даже и не слишком приглядывалась. Маша четко знала: это не ее круг. Это – чужое. И ей туда как бы и не очень хотелось. Это как в дорогом бутике без долларов в кармане – понимаешь, что красиво, но не для тебя.

Посему она Бориса и не приметила и была слегка ошарашена, когда пару дней спустя к крыльцу школы подрулила крутая машина и молодой человек в дорогом твидовом костюме окликнул ее по имени-отчеству. Как принято в школе.

На его вопрос – вспомнила ли она его, честно призналась: нет, абсолютно.

Борис снисходительно посмеялся.

Предложил подвезти. Маша обрадовалась – от школы до дома добираться как раз два урока.

Он приехал еще. И еще.

Маша только плечами пожимала, когда коллеги сообщали: «Мария Андреевна, ваш крутой поклонник подъехал…»

Не верила она в его интерес, хоть убей.

Когда он вдруг невзначай осыпал ее обалденными дорогими подарками, она оценила сей факт однозначно. Откровенно разозлилась. Выпалила, глядя ему в переносицу:

– Если тебе хочется переспать со мной… из спортивного интереса, то ты не по адресу. Я не сторонница коротких отношений. Будь они хоть сногсшибательно подготовлены.

– Я это понял, – улыбнулся Борис.

– Ну и убери весь этот музей.

И Маша с негодованием отодвинула от себя флакон французских духов и платок-батик, схваченный изящной золотой заколкой в форме бабочки.

Она прекрасно знала, сколько стоят такие платки. Помнила также, что иногда подобные подарки дарили девочкам из их институтского общежития, которые от вечной нехватки денег приторговывали своим телом.

– У меня такое ощущение… – задумчиво произнес Борис, – что наши странные отношения не будут короткими, Машенька.

Потом Борис как бы случайно познакомил ее с начальником агентства переводчиков, куда ее немедленно и пригласили работать. Маша тогда уже понимала, что какая-то упрямая сила втягивает ее в воронку другой жизни. Дает ей новые возможности. Открывает неведомые доселе горизонты.

Понимала и не сопротивлялась. В конце концов есть понятие – подарок судьбы.

Возможно, один такой подарок завалялся и у Машиной судьбы, почему бы нет?

Позже фирме Бориса понадобился переводчик для длительной поездки в Англию, и Борис порекомендовал Машу.

Все завертелось как в волшебном сне – знакомство с новыми людьми, города, знакомые по картинкам в институтских учебниках: Лондон, Йорк, Кембридж.

Она впервые была за границей и порядком обалдела от увиденного. Не переставала задавать себе вопрос: «Неужели все это со мной?»

Борис казался добрым волшебником, который шутя изменил ее жизнь, и она с удовольствием, хотя и с присущей ей осторожностью, ступила на эту карусель…

Борис добивался ее долго.

Нинель, секретарша из фирмы Бориса, насмешливо наблюдала за его потугами и однажды, как бы между прочим, сказала Маше:

– Не суетись. Не женится. Такие, как он, не спешат вешать хомут на шею. Так что бери от жизни что дают. Не строй планов. Глядеть жалко, как ты, бедняжка, стараешься…

Маша, конечно, нашлась что ответить Нинель, но слова секретарши не шли из головы.

Нетрудно догадаться, что имела в виду Нинель. Вся фирма видела, как Борис ухаживает. Наверняка все догадывались, что отношения финдиректора с невысокой, не длинноногой, не супермодной переводчицей все еще никак не перейдут за черту. Всем же интересно. Это была тема для разговоров. Считали, что Маша посадила Антонова на крючок. Что, доведя его до белого каления, она наконец окольцует его.

Нинель при появлении Маши всегда делала мудрое лицо. Мол, между нами, девочками, ты, киска, неоригинальна. Насквозь, мол, вижу твою игру. Не

переигрывай, курочка…

Маша, как могла, избегала Нинель. Ну не будешь всем и каждому душу распахивать? Ну в самом деле, не прыгать же к мужику в постель только потому, что этого требует общественность?

Маша была убеждена, что для этого должно возникнуть собственное желание. А если его нет, то нужно подождать, не так ли? Впрочем, устоять перед натиском Бориса Антонова было трудно.

Он умел убеждать. Он говорил:

– Золотце, для того чтобы выработать гармонию отношений, нужна практика. А вдруг мы несовместимы? Это будет трагедия!

Маше нечего было возразить на эти разумные доводы. За два месяца последующей близости с Борисом она не успела понять – выработали они гармонию или нет… вероятно, гармония была в доработке. А вот предложение он ей все-таки сделал! Пренебрег своей драгоценной свободой, несмотря на прогнозы Нинель.

Кстати, какое лицо было у той, когда они объявили о помолвке и секретарша лицезрела кольцо с бриллиантом на Машиной руке! Какое лицо! Голливуд плачет по таким лицам!

Оно без слов вопило примерно следующее: «За что?! Этой простушке с косичкой?! Этой мелкой финтифлюшке! Этой фригидной сушеной обезьяне! Счастье привалило?! Или уже вовсе мужики ослепли? Или глаза у них, прости Господи, теперь не на том месте? Ну что в ней, в этой сучке, такого особенного? Кроме знаний трех языков – ничего! Грудь – на второй размер не наскребешь, задница с кулачок. Короче – ни кожи ни рожи».

Нинель с досады взяла отгул и два дня не являлась на работу. Валялась в номере и глушила водку с командированными эфиопами.

А Маша наконец дала волю своей фантазии. Ведь теперь она могла смело строить планы, мечтать о семье, которой у нее не было уже много лет,

наслаждаться заботой жениха. Пробовать на вкус приятную роль невесты нового русского. Теперь, конечно, она не возмущалась его подаркам. У нее появилось множество приятных мелочей: духи, самая лучшая косметика, украшения. Он дарил ей даже нижнее белье. Теперь было можно.

Боже, да нет же, нет! У Маши мысли не было выйти замуж по расчету. Другое воспитание. Просто так получилось.

Она влюбилась. Да и как Бориса – не любить? У него практически нет недостатков. А вот у нее как раз полно!

– За что ты меня полюбил? – допытывалась она в минуты нежности, вороша пальцами его густую шевелюру.

– За твою косищу, – не задумываясь отвечал он.

Маша смеялась. Дело в том, что она, Мария Андреевна Сивцова, москвичка конца двадцатого века, имела совершенно несовременную длинную каштановую косу. До… Ну, в общем – ниже талии.

Иметь такую косу – подвиг. Те, кто не сталкивался, – не поймут. Но если с помощью косы можно прельстить такого, как Борис, то игра стоит свеч.

Так или иначе, он выбрал Машу и там, на берегу Туманного Альбиона, сделал ей предложение.

В Москву она вернулась невестой. Поскольку жених прибыл сюда парой недель раньше, естественно было ожидать, что он будет встречать невесту в трепетном нетерпении, а природа станет всячески соответствовать. Чего не случилось.

Маша получила в багажном отделении две тяжелые сумки и с грехом пополам перетащила их к стоянке такси. Днища у сумок намокли. Плащ, конечно же, испачкался, волосы, выбившиеся из прически, повисли и прилипли к влажной щеке.

Девушка моментально попала под настроение дождя, царапающего стекло такси, и, когда подъехали к родному двору с внушительной старинной аркой,

Маша уже почти ревела.

Это может показаться странным, но что поделать? В чемто главном Маша Сивцова так и осталась маленькой девочкой. Но старалась, чтобы никто этого не заметил.

Машин дом – типичный пережиток прошлого. Двери со множеством звонков, бесконечные коридоры, общие кухни с полчищами тараканов.

Борис называет это клоповником.

Говоря его словами, скоро Маша переберется из своего клоповника в его палаты на Тверской. Начнет совершенно новую жизнь.

Не нужно будет, зайдя по делу на кухню, подолгу беседовать с Софьей Наумовной – «о трудностях жизни» или о «о странностях любви». В зависимости от того, чьи проблемы обсуждаются.

«О трудностях жизни» – это когда речь идет о Софье Наумовне, ее дочери и часто болеющих внуках. Ну а «о странностях любви» соответственно тема Машина, обсуждаемая с равным интересом.

Эти беседы отнимают уйму времени, но они неизбежны, как утренний чай.

Борис считает, что если бы Софья Наумовна говорила по-английски, итальянски или, на худой конец, по-немецки, это было бы даже полезно. Практика. А так – бездарная трата времени.

Машина соседка по манерам могла бы потянуть на потомственную аристократку, но языками, увы, не владела.

Еще момент: переехав на Тверскую, кроме бесед с Софьей Наумовной, Маша лишится еще и вечернего прослушивания пьяных дебошей в комнате напротив. Что тоже является не последней приметой исчезающих коммуналок. Несмотря на предстоящие лишения, Маша была неприлично счастлива, думая о грядущих переменах.

Хотя и подкатила к арке своего родного двора со слезами, готовыми пролиться. Кряхтя, втащила две внушительные сумки к себе на третий этаж. Лифт не работал. Шофер оказался не джентльменом и укатил, едва девушка успела расплатиться.

Она нарочно не спешила открывать своим ключом. Позвонила три раза – Софье Наумовне. В подъезде ее охватил сентиментальный порыв. Желание, чтобы дверь открыл кто-нибудь.

Заохал, заахал, запричитал. Чтобы ей удивились и обрадовались. Кроме соседей, ахать в этот день было некому.

Позвонив, она живо представила, как интеллигентное лицо Софьи Наумовны, обрамленное седым «каре», вытянется удивленно, старушка всплеснет сухонькими руками, и все тело затрепещет в непритворном радостном ожидании. «Машенька, деточка, это вы! А я уж не чаяла вас дождаться!»

Маша звонила, но ей не спешили открывать.

Позвонила четыре раза – в комнату Наташи Дедюш. Дело в том, что, кроме Софьи Наумовны, Маше мог обрадоваться еще один человек – Алька. В Машиной сумке, которая порядком оттянула руки, лежали новенькие английские фломастеры, несколько блокнотов с видами Лондона на обложке, красивая точилка и смешной мягкий тигренок. Подарки предназначались соседке – восьмилетней дочери Наташи Дедюш, Альке.

На четыре звонка, конечно же, никто не отозвался. Тогда-то и вползло в Машин день это пресловутое «в-третьих».

Она открыла дверь своим ключом и, разочарованная, злющая на всех, втащила сумки в свою комнату.

Вес еще не веря в свое одиночество, окликнула:

– Эй, Профессор!

Молчание. Она заглянула в ванную, где на стене обычно висели Алькины рисунки. Их там не было. Инстинктивно Маша выглянула в окно кухни. Глупо. Во дворе ее быть не могло – дождь. Маша осознала, что сейчас ей до чертиков необходим кто-то рядом. Лучше всего ее маленькая соседка. Вот кто умеет поднять настроение.

«Привет, Профессор! Растешь?» – «С трудом». – «А меня Борис не встретил в аэропорту. Как думаешь, мне обидеться?» – «Не стоит. Бизнес прежде всего. А девушки – потом». – «Ты думаешь? Ну что ж, на первый раз прощаю».

Так бы они перекинулись парой фраз. Потом Маша достала бы подарки. Алька умеет радоваться мелочам, как никто другой. Ее глаза заблестят, в них сверкнет неподдельный восторг, и весь день от нее будет как от печки пыхать детским натуральным счастьем. Садись и грейся.

Маша набрала номер телефона Бориса.

– Оставьте ваше сообщение на автоответчике.

Маша положила трубку и задумалась. До вечера еще далеко, надо чем-то заняться. Заглушить нарастающее беспокойство. Приготовить себе что-нибудь пожевать. Посидеть в ванне.

Распланировав время, Маша несколько воспряла духом.

Почему-то вспомнила, как однажды Борис сказал: ты станешь настоящим переводчиком, когда научишься думать по-английски. Иногда Маша добросовестно пыталась думать по-английски.

К примеру, про свой «ленч». Забавно. Как ни старается – ей не думается о маленькой чашечке кофе или яичнице с беконом.

Сегодня у Маши перед глазами вставала высокая синяя чашка со свежезаваренным чаем да большой кусок столичного батона с «Докторской» колбасой. Об этом удобнее думать по-русски. Пришлось сбегать вниз, в магазин, за хлебом и колбасой, а заодно купить еще кое-что на первое время.

Софья Наумовна вернулась в тот момент, когда Маша, кое-как умытая холодной водой, сидела на кухне и давилась абсолютно безвкусной резиновой интерпретацией «Докторской» колбасы.

За три месяца за границей она успела отвыкнуть от того, что дома может не быть горячей воды и что продукты, вкус которых ты точно знаешь с детства, последнее время возымели дурную привычку меняться. Причем не в лучшую сторону.

После разлуки с Родиной Маша восприняла этот факт как предательство. Пусть меняется мода, пусть сменится строй, правительство, но – извините! – вкус «Докторской» колбасы, можайского молока и бабаевских барбарисок обязан остаться неизменным.

Девочка, вечно бунтующая в Марии Сивцовой, сидела, насупленно сведя брови.

В эту минуту ключ повернулся, скрипнула дверь и по коридору зашаркали туфли Софьи Наумовны.

Встреча прошла по вышеизложенному сценарию с небольшой поправкой: старушка прослезилась.

Маша уткнулась носом в большой крахмальный воротник соседки, пахнущий ландышем и валерьянкой.

– А я замуж выхожу, Софья Наумовна. Вот.

И Маша выставила ладошку с кольцом – подарком Бориса. Софья Наумовна до обидного мало уделила внимания кольцу, зато как-то странно взглянула на девушку и опустилась на табуретку.

– Значит, вы, Машенька, оставляете меня здесь совершенно одну, деточка…

Маша испугалась. А что, если старушке сейчас заплохеет? Похоже на то. Она вся обмякла на своей табуретке. Как надувная игрушка, из которой выпустили воздух…

– Почему одну-то, Софья Наумовна? А Дедюши? Вы так необходимы Альке. Она будет расти и – вот увидите – все больше будет нуждаться в вас. Наташа, конечно, для вас не собеседница, но все-таки. Соседка как-никак.

Маша что-то говорила еще, наливала чай, резала лимон.

Конечно, понятно: Софье Наумовне не хотелось оставаться одной с такими соседями. Алька еще малявка, а ее мать – хроническая алкоголичка с такими же мужьями и сожителями. Иметь таких соседей – не лучшая участь. Но, зная Софью Наумовну много лет, Маша не ожидала подобной реакции.

Они всегда жалели Наташу Дедюш. Был в ней какой-то надрыв, который и заставлял жалеть ее, беспутную. А потом – у нее ведь была Алька. Яркий фонарик, Профессор. Лунная девочка. Поэтому, утешая Софью Наумовну, Маша несколько подрастерялась. В конце концов, она ведь не обещала остаться в девках или, например, привести своего суженого в их курятник.

Софья Наумовна подняла глаза, и оттуда на Машу плеснулось что-то. Маша села рядом.

– Что случилось?

– Да вы ведь, Машенька, ничего не знаете?

Она прикрыла рот ладошкой. У Маши заныло в животе: вот ведь должна была почувствовать: дома что-то не так. Вот оно – «в-третьих».

– Наташа-то Дедюш еще зимой умерла.

В животе колыхнулось что-то холодное. Следом – что-то горячее.

– Как? – только и спросила Маша.

– Выпила лишнего и замерзла, не дойдя до дома, в снегу. Как раз в арке.

Софья Наумовна рассказывала, как хоронили, как делали поминки все соседи в складчину.

Маша вспомнила, чего не хватает. Алькиных колготок на батарее в ванной и того стойкого запаха перегара, которым был насквозь пропитан общий коридор. Теперь здесь преобладал чистенький запах Софьи Наумовны – ландыш с валерьянкой.

– Их комнату опечатали. Много тут приходило из разных организаций, Машенька. Я со всеми и беседовала.

Наконец Маша сумела выстроить для себя все события, поведанные соседкой, в единственный смысловой ряд и неожиданно хрипло спросила:

– А где же… Алька?

– Алечку… – Софья Наумовна всхлипнула и стала зачем-то тереть своей сухонькой ладошкой изрезанную клеенку Дедюшей. – А Алечку нашу… в приют отдали.

Весь вечер соседки просидели на кухне. В квартире было непривычно тихо. Внизу, в подъезде, беспрерывно хлопала входная дверь, у соседей сверху громко орал телевизор, а здесь, на кухне третьего этажа, было слышно, как торопливо топает по клеенке таракан.

Помянули Наташу лондонским ликером (Маша разбавила его минералкой, получился коктейль – не так крепко). Было странно думать о Наташе Дедюш в прошедшем времени, тем более что непутевая жизнь ее так и осталась загадочной для всех. Когда-то с трехлетней сероглазой девочкой на руках она появилась в этой квартире. Вообще бедной комнате напротив Машиной не везло на хозяев. Тут почему-то вечно жили пьяницы.

Правда, Наташа была слишком красива для этого, и поначалу о ней так не подумали. Ходили слухи, что она бывшая актриса. Кажется, оперная певица. И что ради красавца мужа бросила сцену. А он, как водится, потом бросил ее с ребенком на руках и скрылся в неизвестном направлении. Впрочем, ходили и другие слухи, частично опровергавшие первые. Будто Наташа была вынуждена бежать от деспота супруга, который был зверского нрава и в конце концов угодил в тюрьму.

Сама Наташа объявила соседям, что она вдова, в душещипательные беседы не вступала, хотя и любила посидеть в обществе Маши и Софьи Наумовны. Но, как правило, молчала, пуская в потолок струйки сигаретного дыма. Поселившись в коммуналке, она устроилась работать в ларек и стала кидаться из одного романа в другой.

Сначала это были видные мужчины. А последние два года ее кавалеры становились все более «бомжистого» оттенка. По вечерам Наташа пьяным голосом пыталась воспроизвести прежний репертуар – пела арии из опер. Очередной «муж», обиженный невниманием с ее стороны, требовал участия, и начиналось… В такие вечера Алька перебиралась к Маше и тихонько сидела у окна, пока та проверяла тетради.

Иногда они читали вслух «Приключения Карика и Вали», а бывало, резались в комнате Софьи Наумовны в «золотого дурака».

Маша вспомнила Алькины большие взрослые глаза цвета дождливой погоды и почувствовала себя в чем-то виноватой.

В девять позвонил Борис:

– Манюня! Приехала?

– Как видишь.

– Обиделась?

– Вот еще…

– Обиделась… Я, Манюнь, в Питер летал. Деловые переговоры. Думал, успею вернуться – не получилось. Автоответчик подключил. А ты не звонила?

– Некогда было.

Маше хотелось немного помучить Бориса – он это знал и охотно подыгрывал:

– Коварная ты, Мария… Жестокая! Я так скучал… А ты скучала?

– Ну разве самую малость.

– Бессердечная. Я ужасно соскучился… Приеду, а?

Маша покосилась на дверь Софьи Наумовны. Старушка под действием лондонского ликера мирно спала. Но Маша стояла в коридоре как раз лицом к двери Дедюшей, и это обстоятельство поколебало ее. Она замялась. Подумала: «Как это мы будем с Борисом… тут». В общем, Маше стало вдруг неловко от этой мысли, и она быстро зашептала в трубку:

– Софья Наумовна не спит. К нам нельзя.

– Ну вот… Я на минуточку! Нанесу визит вежливости. Ну, Мань, ну соскучился жених, не будь такой врединой!

– Ладно уж, приезжай.

А про себя добавила, глядя на казенную печать на двери соседей: «Все равно не усну сегодня, так и буду думать о том, что случилось».

Едва Борис переступил порог и сгреб невесту в охапку – властно и жадно, – она тихо предупредила:

– У меня ужасно скрипучий диван, так что…

– На полу, – жарко шептал он ей в ухо.

Диван действительно дико скрипел, и Маше показалось, что Софья Наумовна непременно проснется и придет узнать, в чем дело.

Но соседка спала крепко, и когда они потом пробирались по коридору в сторону ванной, то слышали ее ровный храп.

К счастью, дали горячую воду.

– Давай вместе, – предложил Борис.

– Нет. Я быстренько. А ты поставь чайник.

Маша мягко развернула жениха за плечи и подтолкнула к кухне.

– Ну, Маш… Мы без пяти минут муж и жена.

– Без пяти минут, – повторила она и закрыла за собой дверь.

Потом они пили кофе на кухне, не включая свет.

– Шеф перевел твой гонорар в банк, так что можешь пользоваться, – сообщил Борис, пододвинув к себе тарелку с бутербродами. – Теперь ты можешь спокойно отдыхать и готовиться к свадьбе, ни на что не отвлекаясь.

Маша зажмурилась.

– Ты даже не представляешь, как это приятно звучит: отдыхать и готовиться к свадьбе.

– Ну почему? Я понимаю. – Борис улыбнулся в темноте. Ты невеста, вот и наслаждайся. Если тебе нужна будет машина, я пришлю Макса.

– А когда мы будем выбирать мебель для квартиры?

– Я принес каталоги, завтра посмотришь.

– Каталоги? Но я это по-другому представляла. Дело в том, что я обожаю мебельные магазины, запах дерева, лака…

– Понял. Все мебельные салоны у твоих ног. Ходи и все трогай своими руками. Жаль только, не смогу тебя сопровождать. Хочешь, возьми Нинель.

– О, только не Нинель! По магазинам я люблю ходить одна.

Борис пожал плечами:

– Я это к тому, что у Нинель, несмотря на все ее недостатки, есть вкус. Она может посоветовать.

– Ты хочешь сказать, что у меня нет вкуса? Ну да, откуда ему взяться…

Маша сама не могла объяснить, отчего злится. Глупо. Он, конечно, хочет как лучше. Секретаршу с работы предлагает снять для ее, Машиного, удовольствия. А она когти выпускает. Тут же смягчила тон:

– Я что-то устала сегодня. Спать хочется.

– Только не говори мне, что я должен уехать. Сегодня я останусь у тебя.

– Оставайся, – улыбнулась Маша.

Лежа рядом с Борисом под пуховым одеялом, Маша рассказала ему про Дедюшей. Он выслушал и сказал:

– Во всем есть своя положительная сторона. Теперь вас не будет беспокоить эта пьяная компания. Что касается ребенка, то по закону комната остается за ней, пока она не достигнет совершеннолетия.

Он сладко зевнул и потянулся, хрустя суставами. Уткнулся носом в Машины волосы.

– Но ты представляешь, какова жизнь в приюте? Ведь ей всего восемь лет!

– Мань, давай сейчас не будем о чужих проблемах, – сонно пробормотал Борис. – Что же, ей с пьяной матерью лучше, что ли, было? Спи, мать Мария, всех не пережалеешь.

И через минуту он уже ровно сопел ей в плечо. А Машин сон совсем улетучился. Она не могла спать.

Ей вдруг стало одиноко, несмотря на присутствие любимого мужчины – большого и сильного. Ей было тоскливо, словно это у нее, а не у Альки три месяца назад умерла мать и вот она, Маша, – маленькая и беззащитная, всем чужая. Все это нетрудно было представить, потому что с Машей это было. Давно…

Глава 2

Софья Наумовна ошиблась. Это был не приют. Приютами сейчас в народе называют реабилитационные центры – небольшие и вполне приличные учреждения. Как правило, их открывают на базе бывших детских садов, и детей в них содержится не много.

Алька же попала в самый что ни на есть обыкновенный, стандартный детский дом. Огромный, грязно-серый дом в четыре этажа.

Едва Маша переступила порог этого учреждения, тут же поняла, как хочет отсюда уйти.

Дети галдящей оравой куда-то неслись, причем двумя потоками. Потоки эти, сталкиваясь и проникая друг в друга, издавали нечеловеческие вопли и крики, поминутно кого-то теряя на своем пути.

То ли учительница, то ли воспитательница промчалась мимо Маши, громко грозя всеми карами небесными какому-то Кривошееву.

Маша нашла кабинет директора, но он был пуст.

Постояв у двери минут десять, она отправилась на второй этаж. Заглянула в первую попавшуюся дверь. Помещение оказалось спальней человек на восемь. В нос шибанул острый запах мочи. Маша отпрянула в коридор, и к имеющемуся уже запаху добавился «аромат» казенных кислых щей и сырого помещения.

Маша оглянулась: в углу потолка разводами застыли еще сырые потеки. Скорее всего тут недавно прорвало батарею. Судя по детям, мгновенно наполнившим

коридор, этаж был малышовый, и искать следовало здесь. Дети взирали на девушку как на заморскую птицу. Маша догадалась, что оделась, прямо скажем, не по теме. На ней была яркая красно-желтая куртка, светло-голубые, цвета линялого неба, джинсы и высокие белые ботинки, которые ей ужасно нравились.

Здесь, среди этого вопиющего многоликого одиночества, Машин наряд выглядел попугайским. Вызывающим и даже диким. Будь она ребенком, можно не сомневаться – ее бы тотчас обозвали, задразнили бы в доску, а возможно, и побили бы.

Но она была – тетя. Потенциальная мама. И десятка три пытливых детских глаз впились в нее как иголки, и она кожей ощутила их колючее нетерпеливое любопытство.

– Ребята, здравствуйте. – Маша робко улыбнулась. Сердце почему-то трепетало, как воздушный шарик на ветру.

Дети тоже заволновались при первых же словах «тети». Нестройно ответили. Девочки искусственно заулыбались, протискиваясь поближе, мальчишки стали их отталкивать. Маша поймала один взгляд, хмурый, исподлобья. Коротко стриженный пацан лет десяти смотрел напряженно и выжидательно.

– Ребята, я ищу свою знакомую. Она у вас недавно. Ее зовут Аля Дедюш. Вы ее знаете?

– Зна-а-о-о… – заорали разом дети.

То, что случилось дальше, Маша, взрослый человек, педагог по образованию, должна была предвидеть. Дети загалдели, отталкивая друг друга, никого не слушая, словно задавшись целью перекричать один другого. Навалились на девушку со всех сторон, и каждый пытался что-то доказать, но Маша была не в силах что-либо разобрать. Она только заметила, что стриженый мальчик выбрался из общей массы и отошел к окну.

И правильно сделал.

Взрыв эмоций продолжался примерно с минуту, после чего перерос в драку, посреди которой стояла Маша Сивцова, бывший педагог элитарной «английской» школы, и блеяла как овечка.

Она с явным облегчением заметила, что с другого конца коридора семимильными шагами несется воспитательница. Та самая, которая костерила внизу несчастного Кривошеева.

Подлетев, она гаркнула и сумела заглушить хаос детских криков:

– Молчать! Встать! Стоять!

По тому, как скоро дети рассыпались горошинами от девушки и выстроились вдоль стены длинной шеренгой, Маша поняла, что это не впервой.

Вслед за воспитательницей откуда-то выскочила ее помощница – девчонка лет семнадцати – и, поймав взгляд своей наставницы, подбежала к детям, что-то им сказала, те развернулись и потянулись в конец коридора усталой выдохшейся змеей.

Очи наставницы обратились на чужака.

Лицо ее, уже не молодое, исказила казенная улыбка.

– В чем дело, девушка? – поинтересовалась она.

И улыбка, и участие показались Маше фальшивыми, и, ругая себя в душе за предвзятость, она спросила, где найти директора. Гостью любезно проводили.

Директором оказалась солидная женщина из разряда деловых. Она сразу подавила Машу своим весом, решительными жестами, безапелляционностью тона.

– Да, девочка к нам поступила в феврале. Все правильно. Что вы хотели?

– Видите ли… Я соседка. Мы дружили. Я хотела бы увидеться. Мы не виделись три месяца.

– Конечно. Навещать у нас можно, – директриса переложила на столе бумажки, – только, девушка, пришли вы не вовремя. Вот через месяцок будет в самый раз.

Она собрала бумажки на столе и убрала их в ящик стола.

– А почему? – спросила Маша с искренним недоумением.

Безнадежная тоска засосала где-то под ложечкой. Дама посмотрела на Машу как на маленькую, тщательно взвешивая в уме, какую порцию информации той отщипнуть. И осторожно отщипнула следующую:

– Девочка в данное время… больна.

Маша похлопала ресницами. Больна. Ну и что? Не нашла ничего лучше, чем спросить:

– А что, у вас разве больных навещать нельзя?

Дама улыбнулась ей как ребенку, который сморозил глупость. Ее улыбка говорила: ничего другого я от тебя, душка, и не ожидала.

– Или это заразно? – догадалась Маша.

Директриса сначала неопределенно пожала плечами, затем кивнула и закончила туманно:

– Туда не пускают.

И поднялась, давая понять: все, мол, ничего больше не дождешься.

Маша поплелась к выходу, совершенно сбитая с толку. Директриса проводила гостью до самого выхода. Позже Маша поняла, к чему такая любезность: директриса проследила лично, чтобы девушка ни с кем не говорила!

– Я совершенно не умею разговаривать с чиновниками, – призналась Маша сама себе и моментально вспомнила о Борисе. Вот кто бы не спасовал. Вот кто

чувствовал себя хозяином жизни. Тем не менее у Маши и мысли не возникло позвать Бориса с собой в этот поход.

И все-таки директриса не довела свое дело до конца. Тогда уж нужно было вести свою гостью за ручки до самой остановки автобуса.

А она проводила лишь до дверей. Еще раз пригласила прийти через месяц и распрощалась.

Едва Маша пересекла вытоптанный детдомовский двор – услышала свист. Оглянулась – двор пуст. Дети, насколько она помнила, должны были обедать.

Она постояла в раздумье, внимательно оглядывая квадрат двора, шеренгу деревьев вдоль щербатого забора, и снова услышала свист.

Она почему-то сразу решила, что свистят именно ей. Где-то рядом, за забором. И подошла к ограждению вплотную. Одна из досок шевельнулась, и из образовавшейся щели сверкнула на Машу серьезная пара глаз, которые показались ей знакомыми. Сейчас в них была деловая сосредоточенность.

– Лезьте сюда, – приказали Маше, и она, секунду поколебавшись, протиснулась в узкое отверстие, предназначенное явно не для двадцатипятилетних теть.

За забором ее ждал десятилетний мальчик, которого Маша узнала сразу. Это он раньше других отошел к окну во время ее неудавшегося разговора с детьми. Сейчас он прислонился спиной к забору и исподлобья рассматривал девушку.

– Это ты мне свистел?

Пацан кивнул. Маша заметила, что он напряжен и, видимо, собирает все свое мужество, намереваясь ей что-то сообщить. Маша наклонилась к нему.

– Ты что-то хочешь мне сказать?

– Они все врут! – выдохнул он.

– Я это поняла, – тихо проговорила Маша, хотя не сообразила, кого именно имеет в виду мальчишка, называя абстрактно «они». Директрису и воспитательницу? Детей?

Он сглотнул и, глядя, видимо, по привычке, исподлобья, продолжил:

– Я все знаю. Алька ваша не больная и не заразная. Они ее в психушку увезли. Вот.

Маша не сводила с пацана глаз, пытаясь осмыслить услышанное. Он глаза не спрятал и тоже глядел ей в лицо. Напряженно и выжидательно. Маша чувствовала: одно неверное движение, слово с ее стороны, он сиганет через забор, и поминай как звали.

– Я тебе верю, – сказала она. – А почему же так получилось, ты не знаешь?

Мальчик оглянулся и торопливо заговорил:

– Знаю. Она ходила по ночам. И к нам в палату приходила. И пела. Мальчишки не видели – все спали. А девчонки перепугались, визг подняли. Дежурная прибежала. А Алька спала. Понимаете? Она во сне ходила и пела.

Мальчик так разволновался, что Маше казалось – сейчас он начнет заикаться. Она положила обе руки ему на плечи.

– Я знаю, – сказала она спокойно. – Это бывает у детей. А что было дальше? Она… часто так ходила?

– Да. Часто. Когда луна была большая – почти каждую ночь. К нам в окно луна светит. Алька по коридору к нам придет и встанет посреди палаты. А я жду: будет петь или нет. Пела она красиво.

– А потом?

– Воспитательница ее подкараулила. Я слышал, как она нянечке говорила – так, мол, и норовит к мальчишкам в палату. А у нас занавесок нет. Луна светит как фонарь. А я читал, что лунатики за луной ходят. Воспитательница говорила, что

Альку к кровати привяжут. Я думал, пугает. А ее и вправду привязали ночью, и ей плохо стало. Тогда ее в психушку увезли.

– Ты точно это знаешь?

Мальчик кивнул:

– Нянька со сторожем говорили ночью.

Маша слабо улыбнулась:

– Ты что же, по ночам не спишь, что ли?

– Я читаю от фонаря. У нас перед окном фонарь. А когда луна большая – совсем как днем видно. Днем-то все шумят, мешают, читать плохо. А ночью я читаю. Мне наш завхоз книжки приносит.

– Ты мне очень помог, – призналась Маша, полезла в пакет и достала фломастеры. – Возьми вот. Рисовать будешь.

Мальчик едва взглянул на яркую упаковку, свел брови – привычное выражение лица – и нырнул в дырку забора.

– Не надо, теть. Вы их Альке везли. Я рисовать не умею.

И он, сунув руки в карманы, распрямил плечи и пошел прочь независимой походкой детдомовца.

Несколько минут Маша не могла пошевелиться. Сердце стучало где-то в горле, и ужасно болела голова. Мысли не хотели прийти в порядок. Что делать? Куда теперь идти? В конце концов, стоять тут и ждать – дело безнадежное. Надо куда-то двигаться. Маша побрела к остановке.

Там села на замусоленную лавочку, предварительно постелив свой пакет, и стала думать.

«В особенно острых ситуациях голова должна оставаться холодной», – вспомнила слова своего жениха и невесело улыбнулась. Как бы не помешала сейчас его холодная голова! Своя собственная была слишком горяча. Просто кипела.

Придется думать горячей.

«Плясать будем от противного, – решила Маша. – Мне запретили видеться с девочкой, значит… значит, мне просто необходимо добиться свидания с ней! Я не смогу ни спать, ни есть, ни выбирать мебель для квартиры, черт возьми, если буду знать, что в то же самое время мою маленькую подружку Альку, которую я знаю с трех лет, колют отупляющими транквилизаторами и привязывают к кровати. Чтобы не бродила по ночам! Идиоты!.. Мою Альку, которую я кормила манной кашей и водила гулять по Москве, учила читать по-русски и заодно по-английски…»

Маша поймала себя на мысли, что сейчас заговорит вслух. Она встала и вышла на асфальт остановки.

Были вещи, которые она рассказывала только Альке. Были минуты, когда она не считала возможным кому-то рассказать то, что творилось в душе.

Такие вещи обычно рассказывают собаке. Или кошке. Или ребенку, который воспримет все по-своему. И по-своему утешит. Машиным доверенным лицом частенько бывала эта сероглазая малявка. И вот – такое… Маша спохватилась, когда заметила, что давно ходит вокруг остановки и пропускает автобусы, даже не взглянув на номер.

Тогда сообразила, что слушает не свою горячую «бестолковку», а сердце. Сердце, которое не дает решения.

Но, как оказалось, сердце не зря вытолкнуло девушку из пластикового чрева остановки и погнало на простор.

Отсюда хорошо просматривался вход в детский дом. Машино бдительное сердце хорошенько тряхнуло хозяйку, едва та увидела, как дверь распахнулась, и ярким контрастом по отношению к зданию на крыльцо выпорхнула юная помощница воспитательницы в светло-кремовом плащике-размахайке и в таком же светлом

беретике. Эта пигалица остановилась на крыльце, как бы пробуя на вкус погоду, повела плечами, стряхивая неприятные впечатления дня, и, стащив с головы беретку, сунула ее в сумочку.

Совершив сей нехитрый ритуал, она бодро зашагала через двор в сторону остановки. Девушка явно радовалась тому, что ее смена, слава Богу, кончилась и она теперь свободна до завтра, что на улице прекрасная погода.

Да-да, вот именно! Как раз когда Маша с гудящей головой решала свою головоломку, вокруг бушевала весна и солнце слизывало из-под заборов последние крохи снега.

Пигалица, покрутив головой туда-сюда, перебежала дорогу и пошла прямо в Машином направлении.

Маша отвернулась и сделала вид, что сосредоточенно смотрит в ту сторону, откуда должен прийти автобус.

– Девушка, а сто двадцать четвертый давно был?

– Я только что подошла, – соврала Маша, – мне тоже на этот автобус.

Тут пигалица оживилась: она явно узнала Машу. Распахнула глаза и удивленно воскликнула:

– Ой, а это вы! Вы так долго у нас были?

– Ага, – Маша кивнула, – с вашим директором беседовала. Интересная женщина. По-моему, любит свою работу.

Маша бессовестно врала и ждала, что пигалица вот-вот уличит ее. Во-первых, то, что она, Маша, битый час торчит на остановке, можно было увидеть из окна. Во-вторых, она могла встретить в коридоре директрису и завести речь об инциденте на втором этаже. И тогда…

«Но ведь директриса меня тоже обманула, – одернула себя Маша. – И нечего теперь об этом».

– Я, собственно, с директором особенно не общаюсь. Я здесь совсем недавно, – пояснила пигалица, то и дело поглядывая на дорогу.

– Так вы здесь работаете? – с ноткой сочувствия поинтересовалась Маша.

– Нет, я на практике. Я в педколледже учусь, – улыбнулась пигалица, обрадовавшись чужой заинтересованности. – У нас кто в детсад попал, кто в школу. А я вот… сюда.

– Ну и как, – подхватила Маша, – трудно? Вы, кажется, с маленькими работаете? Я, знаете, сама по образованию педагог, вот мне и интересно.

– Ой, правда? А что вы заканчивали?

– Пединститут.

– Да?! А я как раз после колледжа туда собираюсь. Если получится… Нет, с маленькими работать можно. Со старшими сложней. Там что ни день – ЧП. Такое бывает…

И пигалица сделала большие глаза. Подошел ее автобус, и Маша прыгнула вслед за практиканткой и стала протискиваться на заднюю площадку.

В автобусе девушки перешли на ты и стали болтать совсем уже по-приятельски. Маша рассказала несколько институтских баек, от которых пигалица прыскала в кулачок. Маша смеялась, подыгрывая попутчице.

– А как тебя зовут?

– Юля.

– А меня Маша. – И как бы спохватившись: – Ой, дырявая моя голова! Слушай, Юль! Я ведь совсем забыла спросить у вашей директрисы, на каком транспорте до этой больницы добираться, вот шляпа!

Практикантка построила бровки домиком.

– Какой больницы? Ах да! Мне ребята говорили, что ты насчет Али Дедюш… Так считай, тебе повезло – я же сама ее отвозила.

– Сама?!

– Ну да, так получилось. Я второй день работала, еще, собственно, не знала никого…

– Как же тебе ребенка доверили?

– Должна была воспитательница везти. А у нее в тот день дочь рожала. А директор не отпускала ее с работы – некому заменить. Вот мы все вместе и поехали, а по дороге она меня попросила выручить. Она раньше вышла, в роддом побежала, а я девочку сопроводила, с рук на руки сдала.

Маша была само внимание. Пока Юля рассказывала, она достала блокнот, ручку и приготовилась писать.

– Ты мне подскажи, на чем добраться, я запишу, а то боюсь – не запомню.

И практикантка принялась подробно объяснять. И как добраться, и за какой угол завернуть, и каким цветом покрашено здание.

Тем не менее, подробно зная адрес и как добраться, Маша попала туда только часа через два, исколесив на разных видах транспорта юго-западные окраины Москвы.

Это было за высоким забором.

Представ перед железной дверью, Маша затосковала. Конечно же, сюда просто так не пустят.

Да, ей вечно везет на всякого рода препятствия, замки, проходные. То ли дело – Борис. Перед ним, казалось, сами собой открываются все двери и ворота.

Едва какая-нибудь вахтерша осмеливалась сказать ему «нет» – он преображался в зависимости от обстоятельств. Мог стать обаятельно мурлыкающим, как кот, что-нибудь шепнуть уместное, похохмить. Рассмешить, наконец. Если это не проходило – мог сделать неприступно-холодное лицо и дать понять, что он как раз из тех структур, для которых нет слова «нет». Вообще в нем пропадал артист, и Маша постоянно ему об этом говорила.

Мысль о женихе ее немного взбодрила. Она сказала себе: «Если меня сегодня не пустят, завтра он устроит звонок в это учреждение, и меня пропустят». Он это умеет. В меру бархатным баритоном:

– Девушка… Вас беспокоят из ФСБ…

Маша улыбнулась, представив реакцию вахтера, и позвонила в ворота.

В окошко в железной створке высунулась круглая, упитанная физиономия дежурной «тетеньки».

Маша бодро, но долго объясняла, что она проездом, на один день, что ей очень нужно увидеть девочку. Ведь она обещала привезти подарок этому ребенку из Англии, и вот, получается, обманула…

Тетка лениво слушала ее, поплевывая семечки. Когда Маша замолчала, переводя дух, вахтерша обернулась и, обращаясь к кому-то, кто находился в глубине двора, изрекла:

– Слышь, кто-то по Англиям катается, а мы тут за копейки психов охраняй! Во жизнь…

И тетка зло сплюнула.

Лениво повернулась к посетительнице и безразлично бросила:

– Нельзя. Карантин у нас. По гриппу.

Но окошко не закрыла. По ее ленивому тону Маша заключила, что вахтерше скучно и настроена та не слишком агрессивно. Это плюс.

Маша взглянула на нее почти с нежностью и продолжала канючить:

– Я ей фломастеры привезла… Печенье… – Для наглядности Маша подняла пакет. – Я обещала. Вот вам в детстве что-нибудь обещали? А? Вспомните?

Вахтерша вдруг посмотрела на Машу внимательно и форменным образом разразилась ржанием. Маша в недоумении уставилась на тетку. Просмеявшись, та сказала:

– А как же! Мне обещали, что жить я буду при коммунизме, работать – по возможности, а получать по потребности!

Тогда до Маши дошло. (До нее такие вещи не сразу доходили.) Она стала рыться в пакете, достала фломастеры, блокнот, наглядно показывая, что пришла к девочке с подарками, и, продолжая копошиться, вытянула из пакета бумажку в десять долларов.

Пока она раздумывала, железный засов загремел, и открылась небольшая дверь в воротах. Маша услышала:

– Проходи сюда. Только тихо.

Маша сунула десять долларов вперед себя в ворота, их аккуратно приняли, и другая рука, без долларов, показала на помещение проходной, куда Маша и юркнула аки мышка.

Там, в маленькой комнатенке, тетенька прикрыла окошко белой больничной занавеской и пояснила вполне дружелюбно:

– Правда карантин. Если врач узнает – ну ты понимаешь, – мне не поздоровится.

Маша быстро закивала.

– Так что сиди тихо. Я сейчас ее приведу. Если кто заглянет, скажешь, что ты моя племянница. Меня Дусей зовут.

И Дуся укатилась. И тогда Маше стало страшно. В нервотрепке дня она не успела представить свою встречу с Алькой – здесь. Что она скажет ей? Чем утешит? Что может сообщить Маша, большая и свободная, Альке – этой маленькой пойманной птичке?

От страха заныло в животе. Она сняла свою канареечную куртку. Стало душно. Тошнотворный ком подкатил к горлу.

И все же то, что она увидела, никоим образом не вмещалось в размер ожиданий. Дуся привела Альку за руку, втолкнула внутрь комнаты и юркнула назад, на свой пост.

Алька стояла посреди комнаты, равнодушная и усталая. Она, казалось, не видела Машу, а может, и не узнала. Ее взгляд скользнул по безликому помещению и уперся в давно не крашенный пол.

– Привет, Профессор, – проговорила Маша и подошла к девочке. – Вот я и приехала к тебе…

Маша не поняла, слышит ребенок или нет. Она взяла Альку за плечи и подвела к диванчику. Сели. Маша осторожно погладила Алькины кудряшки – короткие, по-мальчишески жесткие. Девочка молчала.

– Ты помнишь меня, Алька? Помнишь, как мы в дурака играли? Софья Наумовна тебе привет передает…

Маша полезла в свой злополучный пакет, достала пачку печенья, протянула Альке. Может, она голодная? Печенье та взяла, положила на колени и опять застыла без движения. Маша достала фломастеры, блокноты, точилку и протянула девочке.

Когда в Лондоне покупала все это – представляла, как Алька будет скакать, приплясывать, как будут блестеть и искриться эти серые глаза! Сейчас же они безучастно скользнули по подаркам и снова уставились в пол. Маша аккуратно сложила эти мелочи на Алькиных коленях рядом с печеньем и обняла соседку за худенькие плечи…

Она не оттолкнула девушку, но и никак не отозвалась на чужое тепло.

«Что они с ней сделали? – ужаснулась Маша. – Как мне пробраться, достать мою Альку из этой непробиваемой скорлупы?»

Лицо было мокрым от слез. Маша крепко прижала к себе подружку и запела:

Когда звезду зажгут фонарщики

В ночных небесных облаках,

Притихнут девочки и мальчики,

Ее качая на руках…[1 - В романе использованы ранее не публиковавшиеся стихи автора.]

Вот когда Маша запела, какое-то движение, какая-то легкая тень мелькнула на детском личике, и девушка очень обрадовалась. Она подумала, что второй куплет девочка запоет с ней вместе, и тогда… Но вместо этого она услышала свое имя, произнесенное тихо и хрипло:

– Ма-ша…

– Ты меня узнала, Алька! Вот плутишка! Я-то решила, что соседка забыла меня напрочь!

И она затормошила девочку, затрепыхала. Обрадовалась. Фломастеры упали с коленок и рассыпались по всему полу. Маша бросилась поднимать их, что-то возбужденно рассказывая, а когда собрала фломастеры и протянула их Альке, то встретилась с ее взрослыми глазами. Они смотрели на девушку в упор.

– Маша… – повторила она. – А ты заберешь меня отсюда?

Маша сидела на корточках перед девочкой и не смела отвести глаза. И не могла, не смела тянуть паузу. Да и что тянуть – ей казалось, она с самого начала знала ответ на этот вопрос.

– Да, – просто ответила она. – Но только после карантина. Смотри не вздумай заболеть гриппом!

Глава 3

Маша брела по улицам наугад, не глядя вокруг. Она чувствовала себя опустошенной, как после тяжелой физической работы. Незнакомые места не вызывали эмоций. В конце концов, в Москве трудно не набрести на станцию метро или остановку какого ни на есть транспорта. Ноги вынесут куда-нибудь. В голове не было никакого плана. Хотелось побыть одной.

Она брела мимо длиннющего дома в районе новостроек со множеством учреждений в помещениях первого этажа и машинально читала вывески: «Услуги стоматолога», «Ремонт обуви», «АО „Трикотажница“», «Юридическая консультация».

Ноги остановились сами собой.

Маша три раза перечитала вывеску и только тогда обратила внимание на то, что несколько человек, а именно двое мужчин и женщина, хорошо одетые, стоят на крыльце, собираясь уходить. Видимо, они кого-то дожидались, кто все еще копался в помещении.

Маша поднялась по ступенькам, но ее остановили:

– Девушка, мы уже закрываем. Приходите завтра.

– Мне очень нужно. – Она сползла на шепот, с удивлением обнаружив сухость во рту.

И действительно поняла, что ей очень нужно. Ей просто необходимо с кем-то посоветоваться. С человеком, который знает законы. Ей нужно выговориться и получить дельный совет. Сейчас. Сию минуту.

И если все эти люди не захотят ее слушать, она заставит их!

По мере того как росла ее решимость, люди на крыльце тихо удалялись. Женщина первая процокала каблучками мимо поздней посетительницы, мило махнув мужчинам рукой.

За ней следом двинулся солидный мужчина с брюшком, Маша со злостью посмотрела ему вслед. Сытые. Довольные. Никому нет дела до чужой беды.

Тому, кто остался, она преградила путь и сказала все, что думает о чиновниках. Это оказалось не так трудно – мужчина был немолод, невысок и невнушителен в комплекции.

Он с интересом слушал Машину ругань и даже улыбнулся. Затем обернулся к двери и изрек:

– Коллега, тут интереснейший экземпляр. На меня, кажется, наехали. Форменный шантаж.

В дверном проеме появился молодой парень примерно Машиных лет. Волосы надо лбом топорщились, придавая парню вид совершенного мальчишки. Даже строгий костюм и галстук не придавали ему необходимой для юриста солидности.

Теперь оба мужчины, молодой и старый, улыбаясь смотрели на Машу. Маша сразу представила свой свирепый вид: глаза горят, щеки пылают, брызги изо рта во все стороны. Наверное, она выглядит смешно.

– По-моему, мы не можем не принять даму, а, Владик?

– Разумеется. К вашим услугам. – И молодой широким жестом пригласил Машу в контору.

Там они оба устроились напротив гостьи и приготовились слушать.

Она стала говорить подробно, боясь упустить что-то важное. Маша страстно хотела, чтобы ее поняли.

Маленький, тот, который, конечно же, был опытный, потому что старый, вскоре стал ходить по кабинету, потирая руки, переставляя канцтовары на столе. Маша с беспокойством следила за ним. Возможно, просто непоседа.

А возможно – уже привык к чужой боли и не поймет. Привык, что люди идут к нему со своими проблемами и каждый думает, что именно его боль больнее. А поскольку он привык, то ему – все равно? Маша следила за ним глазами и говорила, говорила ему то в лоб, то в затылок. Ведь именно этот был старый и опытный.

Молодой тоже слушал девушку с неподдельным интересом. Заодно – рассматривал. Именно это Маше не понравилось. Когда смотрят, как на картину, ничего хорошего не жди.

Но все-таки Маша пару раз глянула и на молодого. Взгляд у него был теплый. Говори, мол, не тушуйся.

– Теперь я хочу ее удочерить, – закончила Маша. – Научите меня, как это сделать.

Молодой посмотрел на старого. Тот посмотрел в окно.

– Я говорил тебе, Владик, перед нами редчайший экземпляр. У меня с утра было чувство, что сегодняшний день еще преподнесет сюрпризы.

Молодой явно испугался, что девушка обидится:

– Виктор Лазаревич хочет сделать вам комплимент…

– А я не за комплиментами сюда пришла, – отрезала Маша, – и можете не сомневаться: у меня хватит денег заплатить за консультацию.

Реплику, казалось, пропустили мимо ушей.

– Надо же, – сказал молодой, обращаясь одновременно и к коллеге, и к посетительнице. – В моей небольшой практике это впервые. Обычно идут по вопросам наследства, склоки всякие. Из-за бабушкиного шифоньера родные

братья ссорятся на всю жизнь. А тут чужой ребенок…

Тут старый повернулся и пристально посмотрел на девушку.

– А может, вас, милая моя, лишняя комната тревожит? Бывает и такое. Дело житейское. Уверяю вас: игра не стоит свеч…

Маше кровь бросилась в голову. Она вскочила, уронив со стола пресс-папье. Молодой тоже вскочил, оглянулся на старого, явно страдая от бестактности сослуживца. Засуетился:

– Вы не переживайте. Я помогу вам. Разумеется. Помогу. Сядьте.

Он поднял пресс-папье. Маша села. Расстегнула куртку – ей стало жарко…

– Я думаю, в вашем случае лучше подойдет не удочерение, а опека. Это и материально лучше. И не так хлопотно. Вы ведь заинтересованы побыстрее забрать ребенка?

– Вот именно.

Молодой опять взглянул на старого.

– Да, это сейчас нетрудно – установить опекунство, – словно нехотя отозвался тот и, подойдя к молодому, уселся на диван. Прямо напротив клиентки.

Маша почувствовала его скептический настрой и насторожилась.

– А вы, красавица, слышали пословицу: «Утро вечера мудренее»? А? Вы сейчас, милочка, взвинченны, обижены, расстроенны. Находитесь в плену у собственных эмоций. Мой совет: придите, покушайте, выспитесь как следует. И крепенько подумайте. Не обижайтесь на старика. Допускаю, что у вас благородный порыв. Он достоин похвалы. Это говорит о ваших душевных качествах. Но жизнь – не порыв, уж поверьте мне. А выдержите ли вы тот груз, который взваливаете на себя?

Маша приготовилась возражать, но мужчина остановил ее жестом:

– Если бы это была ваша родня, пусть седьмая вода на киселе, я бы слова не сказал против, но ведь девочка вам, насколько я понял, совсем чужая. Ох, трудно все это. Вы даже пока не представляете. А я – знаю. У меня две дочери. Уже взрослые, слава Богу. Но что нам с женой пришлось перетерпеть в их тринадцать – пятнадцать лет! Это же уму непостижимо. Терпел только потому, что родные. Куда деваться? А тут – чужой ребенок с такой глубокой психологической травмой.

– Она нормальная.

Он поморщился:

– Я не об этом. Ваша девочка перенесла такие глубокие потрясения в эти три месяца… эти потрясения в дальнейшем могут обернуться не самой лучшей стороной. Вырасти во что угодно – в равнодушие, в жестокость, ростки, которые посеяла жизнь, оказываются сильнее вас. Детство – сильнее всего дальнейшего воспитания. Увы, но это так. Причем ростки эти прорастают в тихих и милых детках в самый неподходящий момент. Оказывается, у них когда-то были родители-алкоголики. Их мало любили, допустим, первые два года жизни. Уверяю вас – вылей вы на них ушат любви, не закроете ту дыру, которая образовалась в те два года.

Маша молчала. Молодой протянул ей сигарету, она отрицательно качнула головой.

Старый передохнул и продолжил наступление:

– Это адский труд. Самоотречение, позволю себе сказать. А вы так молоды, небось женихов море?

– Один.

«Зато какой!» – подумала Маша.

Тут подал голос молодой:

– А он в курсе?

– Он прекрасный человек, – напористо заговорила Маша. – Сильный, благородный. Я уверена, он меня поддержит.

Молодой чуть дернул бровью. Маша готова была его убить за это движение. Да как он смеет сомневаться в Борисе! Какие они тут все умные! Все-то наперед знают о людях! Что будет через десять лет! Хоть ложись и помирай в самом деле!

Старый, напротив, совсем не отреагировал на Машины слова. Смотрел на нее с оттенком грустного сожаления: не верил.

– Я могу все выяснить, – пообещал молодой. – Все подробно запишу. Вот моя визитка. Позвоните, я скажу, какие документы нужны.

И он протянул девушке аккуратный листочек картона. Маша сунула его в карман куртки.

– Да, и на всякий случай черкните мне ваш телефон.

Маша черкнула. Ей отчего-то стало жалко старого. Хотя какой он старый? Не больше шестидесяти. Хотелось ему сказать что-то хорошее. И она сказала:

– Все, что вы говорите, правильно. И не думайте, что я такая уж дурочка наивная – не понимаю. Но если бы вы ее видели! Я просто не могу иначе.

– Дай вам Бог, девушка, – отозвался он, думая о своем.

На крыльце Машу догнал молодой.

– Я могу вас подвезти. Меня Владислав зовут. Можно Влад.

– Маша.

Маша устало плюхнулась на переднее сиденье его «жигуленка» и с облегчением подумала, что на сегодня мытарства закончены. Сейчас она придет, выпьет горячего чая с лимоном и завалится спать.

При мысли о чае она оживилась, даже стала болтать с Владом. В разговоре он производил приятное впечатление: обаятельный и неглупый.

– Вам нравится ваша работа? – спросила Маша, чтобы заполнить паузу.

– Сегодня – да, – отозвался Влад и засмеялся.

– Я серьезно. – Маша с интересом глянула на парня.

– В омоновцы я по комплекции не подхожу, так что в самый раз. Пока.

– Пока? А потом?

– Планы у меня грандиозные, Машенька. А вот вы наверняка – учительница. Угадал?

Маша нахмурилась. На ней что, несмываемая печать школы?

– Это почему же?

Влад опять заливисто рассмеялся.

– Угадал! Ей-богу угадал!

Маша не могла не улыбнуться в ответ.

– Вообще-то я сейчас работаю переводчицей, так что…

– Кстати, а как ваши родители посмотрели на идею удочерения?

– У меня нет родителей.

– Ох… простите ради Бога, я не хотел.

– Ничего. Они, конечно же, у меня были, и я их очень любила. Папа был офицер, погиб в Афганистане, когда мне было семь лет. Но я прекрасно это помню. Даже запах помню – в доме всегда пахло кожей. Ремни, сапоги, куртка. Мы жили в Кубинке. Это потом, уже после папиной смерти, нам с мамой дали однокомнатную квартиру в Москве.

Маша ненадолго замолчала. Влад тоже молчал, ничем не нарушая тишину. Наконец спросил:

– А мама?

– Мама потом еще раз пыталась выйти замуж, но ничего не получилось. Она все время сравнивала. Это тяжело.

Маша удивилась, как легко она незнакомому парню рассказывает свое больное. Зачем? Но он спрашивал, а ей хотелось поговорить об этом.

– Потом мама заболела. Сначала продали пианино – мама была музыкант. Были нужны лекарства. А потом пришлось поменять квартиру на коммуналку. Мама настаивала, чтобы я училась в институте. На инязе. Так папа хотел… Она дождалась, когда я поступила. А потом – умерла.

Влад покачал головой:

– Как же ты училась?

Маша и не заметила, что он назвал ее на ты. Все было естественно, Маше казалось, что она сто лет знает Влада.

– Сначала тетя помогала, папина сестра из Самары. Потом, к третьему курсу, уроки стала частные давать, переводы делала. Ерунда. Многим труднее было, чем мне. Иногородним, например.

– Точно. Я вагоны ходил разгружать.

– Ты – вагоны?! – Маша искренне всплеснула руками. Изящный Влад с тонкими пальцами разгружал вагоны!

Влад снова расхохотался так заразительно, что Маша не удержалась и засмеялась вместе с ним. В таком настроении они въехали в арку двора и бампер к бамперу столкнулись с серебристым «вольво».

Борис сидел, откинувшись в водительском кресле, и угрюмо созерцал прибывших.

Сколько он здесь сидит? Час? Два? Маша мгновенно вспомнила, что накануне сама просила Бориса заехать за ней, чтобы отправиться в новую квартиру смотреть паркет. Привезли несколько образцов паркета для гостиной – нужно было выбрать.

Маша вздохнула. Конечно, это свинство с ее стороны. Совсем забыла. Напрочь. Невеста называется.

Влад с интересом наблюдал за происходящим. Кивнул на «вольво», спросил:

– Он?

Маша слегка наклонила голову.

– Серьезный парень, – заметил Влад.

Маша сверкнула глазами на Влада. Вот это лишнее! Пусть оставит свои оценки при себе. И довольно сухо распрощалась с юристом. Выбралась из «Жигулей» и подошла к Борису.

– Кто это? – хмуро поинтересовался он.

– Юрист.

– ?

– Из юридической консультации. Вот решила составить брачный контракт. Чтобы ты меня после развода не облапошил.

Шутка не удалась. Борис вообще отвернулся и уставился в песочницу. Там гуляла пуделиха Коллет – усердно закапывала то, что натворила. Тогда Маша поняла, что, хоть она и устала, а Борис раздражен, разговор должен состояться сегодня.

Не завтра и не послезавтра, как она планировала. Иначе как она объяснит юриста? Оправдываться не хотелось, и она примирительно протянула:

– Ну, Борис, родной, поехали. Я тебе все объясню. Только потом. Если очень хочешь. У тебя там в холодильнике найдется что-нибудь?

Не глядя на Машу, которая возилась с ремнем безопасности, Борис включил зажигание.

В огромном трехкамерном холодильнике, конечно же, нашлось все, что может пожелать голодная, но любящая. И все-таки Маша не принялась за обожаемую ветчину – она достала кальмаров. Потому что их любит Борис. И он наверняка проголодался, поджидая ее во дворе. Себе почистила банан, откусила. Пока нагревалась сковородка, Маша обдумывала первую фразу. Не брякнешь же вот так, с лету:

– Милый, мы должны удочерить ребенка.

Борис не готов к этому. Его надо плавно подвести, чтобы решение как бы… принял он сам.

И Маша принялась рассказывать все по порядку. Делиться впечатлениями дня. Борис раскладывал по полу образцы паркета и молчал. Когда Маша добралась до разговора с практиканткой, он сел рядом с ней на широкий подоконник и задумчиво проговорил:

– Мне кажется – вот этот, слева.

– Ага, – с готовностью поддакнула она и продолжила повествование.

Он снова перетасовал образцы паркета, отошел в противоположный конец комнаты и задумался.

Маша рассказала, как сунула десять долларов Дусе.

– Кстати, о долларах, – перебил Борис. – Я говорил тебе, что Агробанк закрылся?

– Нет.

– Представь себе. А ты хотела, чтобы твой гонорар перевели туда. Мол, ближе к дому. Хорошо, что у тебя есть я. И я тебя редко слушаю.

– Как хорошо, что у меня есть ты, – подхватила Маша и, подбежав, повисла у него на шее.

Борис немного обмяк. Она поцеловала жесткий подбородок и посмотрела снизу вверх в его лицо.

– И все-таки кто это тебя привез?

– Юрист.

– Я уже слышал.

– Я как раз и хотела к этому перейти, а ты перебиваешь.

– Я не перебиваю. Это ты скачешь на меня как ненормальная. Что-то раньше я в тебе такой прыти не замечал. Учти, что у меня здесь, кроме раскладушки…

– На полу… – улыбнулась Маша.

Но тут же поняла, что зря ляпнула. Руки Бориса, до сих пор спокойно лежавшие на ее талии, внезапно потяжелели, взгляд стал влажным, немного очумелым. Маша знала, что должно за этим последовать, и поняла, что своей репликой завела разговор не туда. Она мягко выскользнула из объятий жениха и прыгнула на подоконник.

– Ладно. Я не сказала самого главного. Я зашла в юридическую консультацию выяснить, нельзя ли удочерить Альку.

Борис замер столбом среди образцов паркета. Затем тихо присвистнул. Не глядя на невесту, спросил:

– Ну и что тебе там сказали?

Он собрал образцы и аккуратно сложил их у двери. Вышел на кухню.

– Сказали, что это несложно. Можно не удочерять, а установить опекунство, – крикнула Маша вслед.

– Кальмары сгорели, – сообщил Борис и хлопнул холодильником. Вернулся с бутылкой минералки и сел на табуретку. Другой мебели в комнате не было. – И… ты… Я не понял, кто-то хочет ее удочерить? Кто-то из знакомых?

Маша некоторое время молча смотрела на него с застывшей улыбкой на лице. Приехали. Не думала, что все это будет так трудно.

– Я думала, что это должны сделать мы.

– Мы?!

– Мы с тобой.

– Нет, ты это серьезно? – Борис отхлебнул из бутылки. – Или это шутка? Как насчет брачного контракта? Я твой юмор не всегда понимаю, Мань.

– Я серьезно, – тихо и спокойно ответила Маша. Она вдруг почувствовала смертельную усталость. Сил не осталось пристраиваться к чужому настроению.

– Ну и как ты себе это представляешь?

Борис поставил бутылку на пол и воззрился на девушку. Вот теперь он был весь внимание. Маша знала наверняка, что сейчас он не пропустит ни слова.

– Милый, Алька – очень хорошая девочка, – проникновенно начала она. – С ней совсем не бывает хлопот. Тем более она такая преданная. Умная. Мы ее Профессором зовем – у нее память замечательная. Я ее читать в четыре года научила. Мы ходили по улицам, и она вывески читала. Малявка такая… А потом – она тихая совсем, ее и не слышно целыми днями.

– Тихая девочка, которая бродит по ночам с песнями по квартире. Представляю. – Борис произнес это вдохновенно, явно передразнивая Машу. Но она не обиделась.

– Глупости, – мягко сказала она. – Многие впечатлительные дети – лунатики. К двенадцати годам, возможно, это пройдет. Да это с ней редко бывало раньше. Просто смерть матери растревожила ее мир, и поэтому… Борис! Но это же так понятно.

– Может быть, тебе это и понятно. Но почему ты решаешь такие вещи, не посоветовавшись со мной? Ты не забыла, что собираешься замуж?

– Я не забыла. И я не решаю. Я пришла посоветоваться с тобой. Я почему-то была уверена в твоих… благородстве, щедрости… доброте… Ты… ты такой… – Маша поймала себя на мысли, что ищет в уме, какими же еще качествами наделить Бориса, и поняла, что унижается.

Она словно стала еще меньше ростом, а Борис от этого стал еще выше.

– Да не хочу я чужого ребенка в доме! – Борис вскочил с табуретки и принялся ходить от стены к стене. – Я к своим-то детям не готов пока, а ты мне навязываешь чужого. Уж если тебе хочется, чтобы я проявил щедрость, – я готов! Я отстегну любую, в разумных пределах, сумму, которую ты сама назовешь, на счет этого детского дома. Но детей оттуда к себе в дом не пущу. Извини!

И Борис ушел в спальню. Маша слышала, как под ним скрипнула раскладушка. Потом щелкнула зажигалка – он закурил.

«А ты чего ожидала? – Маша попыталась посмотреть на ситуацию объективно. – Что он захлебнется восторгом? Вполне естественная реакция. Ему нужно подумать. Вникнуть. А потом постепенно он свыкнется с этой идеей. Да, он

станет прекрасным другом Альке. Наверняка».

Маша некоторое время постояла в гостиной одна, а потом тихонько двинулась вслед за Борисом.

Он сидел на раскладушке, выпуская дым в пустое пространство комнаты. Обои здесь были под шелк, с большими голубыми птицами. Маше они особенно нравились. Они выбирали их вместе.

Она пристроилась рядом с женихом. Прислонилась головой к его плечу.

– Борь, а если б у меня была сестра?

– Сестра, безусловно, жила бы с нами.

– Ну вот видишь? Алька и есть мне как сестра. Я ее с трех лет воспитываю пополам с Софьей Наумовной. Она очень мне дорога.

– Вот пусть Софья Наумовна и удочеряет.

– Да не разрешат ей. Она старая. У нас бы была полная семья. И мать, и отец.

Последняя фраза его окончательно взвинтила.

– Нет, ты хоть представляешь, что затеяла?

Борис резко поднялся и воззрился на невесту с высоты своего роста.

– Ты можешь поручиться за ее наследственность? У нее мать – алкоголичка, папаша – вообще неизвестно кто. Скорее всего такой же хроник. Или – зек. Ты хоть представляешь, чего она насмотрелась в своей семейке? Почему мои будущие дети должны расти с этой… с этим…

– Это не так, Борис, – возразила Маша. – Наташа же не от рождения алкоголичка. Она актриса. Просто жизнь не удалась, вот и…

– Ага! – почти обрадовался Борис. – Да ты их всех оправдаешь, мать Мария. Всех пригреешь. Только, чур, без меня! Ты посмотри вокруг! Каждый третий несчастен. Ну, кидайся им всем помогать! Я посмотрю – надолго ли тебя хватит!

Тут Маша не выдержала. Она впервые видела Бориса таким взвинченным. Эта сторона его натуры едва приоткрывалась перед ней, и сначала она была просто удивлена. Теперь же это начинало злить.

– Что ты несешь? Алька – не каждый! Я провела с ней рядом большой отрезок жизни! Я не могу бросить ее в беде. Понимаешь? Не мо-гу! Почему ты не хочешь понять: я пообещала ей! Кем я буду после этого, если не выполню обещания?

– Мне ты обещала первому. Ты согласилась быть моей женой и выбрала ту жизнь, которую я тебе могу предложить. А свой клоповник намеревалась оставить навсегда. Ведь так?

– Так, – безнадежно подтвердила Маша, – все так. Но я всего лишь хочу забрать с собой из клоповника маленького человечка и сделать его счастливым. Неужели это невозможно?

– Мань, честное слово, я устал от этой темы.

Борис отвернулся к окну, и Маша поняла, что разговор окончен. И что дальше? Ужин на двоих, объятия? На это не было ни сил, ни вдохновения. Вечер был испорчен.

– Я тоже что-то устала сегодня, – ответила Маша и поднялась с раскладушки. – Пойду спать.

Борис промолчал. Маша молча нацепила в прихожей свою куртку, вышла за дверь. Через некоторое время услышала, как щелкнул замок и звякнули ключи.

В машине не было произнесено ни слова. Когда приехали во двор, Маша чмокнула жениха в колючую щеку и все так же молчком шмыгнула в подъезд. Софья Наумовна спала. Маша достала из холодильника пару яиц, подумала и положила обратно. Есть не хотелось. Почему люди не понимают друг друга? Почему так трудно быть вместе? Может, все дело в ней самой? Она не умеет

убеждать. И не умеет правильно формулировать мысли. И еще. Если бы она не заявилась сегодня домой в машине Влада, все могло быть иначе. Борис не был бы так раздражен. Возможно, он завтра на все посмотрит по-новому. Сейчас он просто устал, а она на него все сразу вывалила. Так нельзя… нужно было получше подготовить… Ничего, подождем. Время покажет.

Так, успокаивая себя, Маша разбирала постель и укладывалась спать. И все же, как ни устала она, сон еще долго не приходил, заставляя прокручивать перед мысленным взором беспокойные события дня.

Глава 4

Через неделю после неудавшегося разговора с женихом Маша шагала рядом с Владом по Большой Дмитровке и с аппетитом уплетала эскимо. Если бы эту сцену наблюдал Борис, его передернуло бы от раздражения – идти по улице и облизывать мороженое на ходу? Дикарство.

Борис признавал мороженое только в кафе.

– Если ты так уж любишь это сладкое молоко, я готов каждое воскресенье водить тебя в «Баскин Роббинс». Только не заставляй меня созерцать, как у тебя капает с подбородка, а шоколад прилипает к пальцам.

Сегодня делать замечания было некому – Борис улетел в командировку в Челябинск.

Влад уписывал вторую порцию эскимо и взахлеб рассказывал про свою собаку Шейлу.

– Больше всего она уважает сушки.

– Сушки?

– По-моему, у нее возникает ассоциация с сухим собачьим кормом.

– Или с косточкой.

– Ага! А лизунья! Тех, кого хозяин любит, – оближет с ног до головы. Но появится неприятный тип – к Шейле лучше не подходить.

– Укусит?

– За последствия не ручаюсь. Добро от зла отличает по запаху.

Влад забрал у Маши мокрую обертку и выкинул в урну. Достал платок.

– Кажется, ты капнула на плащ. Давай вытру.

Влад наклонился и промокнул платком возле кармана.

– Теперь три – не три, не поможет. Только стирать, да еще с пятновыводителем, – вздохнула Маша. – Этому плащу крупно не везет. Он только что перенес стирку, и вот опять…

– Слишком белый. Надо было куртку надеть.

– Ну уж нет. Я уже явилась в одно заведение в своей куртке. Выглядела как попугай среди белых медведей. Для похода по всем этим учреждениям мой плащ больше подходит. Не находишь?

– О да. Ты сегодня выглядишь как классная дама в женской гимназии. Этих теть из отдела опеки ты своим видом просто пригвоздила к стульям. Они не вякнули ни слова против. Заметила?

– Заметила. Но, по-моему, их придавил авторитет твоей юридической конторы. Мне так и хотелось сказать: «Это, граждане, мой личный адвокат».

Влад рассмеялся:

– Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. Если честно – за неделю я так поднаторел в вопросах опеки и удочерения, что сам вполне могу теперь

кого-нибудь удочерить. Пойдешь в дочки?

– Пойду. А если серьезно, Влад, я так благодарна тебе! Если бы не ты…

– Нет, нет, нет! – запротестовал Влад и смешно замахал руками. – Если ты опять начнешь рассыпаться в благодарностях, я просто завою, как волк на луну. Я понимаю: ты привыкла ко всякого рода препятствиям, а тут вдруг все получилось без особой борьбы. Никто из чиновников не против того, чтобы над ребенком установили опеку и взяли на себя все заботы о нем. Это – нормально, Маш. Нор-маль-но. По-человечески. Во всех цивилизованных странах этот вопрос решается без проблем – дети живут в семьях, и все нормально. Мы делаем к этому только первый шаг. Но все же делаем. Даже непривычно решать этот вопрос, не пробивая стену, так? Так что я здесь ни при чем. Просто законы изменились.

– Да, наверное. И все же с тобой мне было намного спокойней. Ты знаешь, к кому обратиться, что сказать…

Влад надулся как индюк и выпятил грудь колесом:

– Да, да, я такой! Хвали меня!

Теперь уже Маша не удержалась – расхохоталась так, что прохожие стали оборачиваться.

Но через секунду Влад посмотрел на нее уже серьезно и спросил:

– Маш, скажи честно, вы поссорились из-за меня?

Маша чуть наклонила голову. Напоминание о ссоре с Борисом отозвалось где-то в области желудка легким уколом. Возможно, это был укол совести. Еще бы. Она оформляет документы на Альку у жениха за спиной. Но что делать? Медлить нельзя. Не может она ждать, когда Борис созреет. Вот вернется из командировки – они вместе сходят в эту ужасную больницу, он все увидит сам и поймет. Не такой уж он черствый, каким хочет казаться.

– Мы действительно немножко поссорились, но ты здесь ни при чем. Честно.

– Тогда из-за девочки?

Маша промолчала.

– Я так и подумал. Знаешь, еще не поздно все поправить. Пока девочка не живет с тобой.

– Ты о чем?

– О том же. Нельзя, Маш, такие серьезные дела делать назло.

– Ты ошибаешься, Влад. Я хорошо подумала. И я не злюсь на Бориса. Он по-своему прав. Так что это – не назло.

– На что же ты надеешься? А если тебе придется выбирать?

– Если бы да кабы… Я оптимистка. Ты – нет?

– Я скорее реалист.

– Брось, Влад, не занудствуй. Тебе не идет. Ты видел Бориса всего один раз, и то издали. И сделал неправильные выводы. Он – мировой парень, он…

– Дело не в нем.

– А в ком же?

– В тебе. Ты что, готова расстаться с женихом ради этой девочки? Ты вообще-то любишь его или…

– Стоп! – Маша начинала сердиться. Конечно, за эту неделю бумажной волокиты они с Владом подружились. Она чувствовала себя рядом с ним как с однокурсником, с которым съеден пуд соли. С которым сплотили страхи на экзаменах и длинные разговоры о жизни. Все это так, но она к нему в душу не лезет, а он, кажется, становится бестактным. Маша нахмурилась и, сдерживая эмоции, произнесла: – Во-первых, мы пока не собираемся расставаться.

Накаркаешь еще! Мы просто слегка поссорились, и это нормально. Во-вторых, господин юрист, кто вам давал право копаться в личных делах ваших клиентов? Или это входит в вашу компетенцию? По-моему, вы пока не адвокат, так что…

– Больше не буду, – притворно вздохнул Влад.

Маша строго взглянула ему в глаза – проверить, смеется он или говорит серьезно. И увидела только, что глаза у него зеленые, как недоспелый крыжовник. Он выдержал ее испытующий взгляд и невинно пожал плечами:

– Просто я размечтался: вот бросишь ты своего принца и придешь ко мне…

– Слушай, Влад, трудно понять, когда ты шутишь, а когда серьезно говоришь. Ты уж предупреждай, будь добр.

– Я всегда говорю серьезно, а при тебе вообще шутить не смею – ты напоминаешь мне мою классную руководительницу. Особенно с этой прической.

Маша погрозила Владу пальцем и взяла за руку. Нужно было быстро перейти улицу – пока горел зеленый. На той стороне они оставили Владовы «Жигули».

А вообще-то он прав. Для встречи с чиновниками Маша подготовилась основательно: заменила яркую куртку на респектабельный белый плащ, джинсы – на деловой светло-голубой костюм, а скромную косу – на высокую буклю на затылке. Любимые белые ботинки тоже остались стоять в коридоре. Вместо них Маша надела туфли на высоких каблуках, и ноги теперь мстили за такое жестокое к себе отношение. Недельное хождение на каблуках отозвалось ноющей болью в икрах. Сейчас нужно прийти домой и полежать в теплой ванне. Только бы была горячая вода. Когда подъехали к дому, Маша попросила:

– Влад, останови у арки.

– Думаешь, опять столкнемся с «вольво»? Он что у тебя, такой ревнивый?

– Можно подумать, Влад, ты свою девушку совсем не ревнуешь?

– У меня сейчас нет девушки.

– Жаль. А то я непременно стала бы тебя подкалывать ее ревностью. А если серьезно – Борис в командировке. Просто мне нужно зайти за хлебом – отсюда ближе.

– Я позвоню тебе завтра?

– Звони.

Маша проводила глазами белый «жигуленок» и нырнула в арку. Как ни старалась она оправдать свое поведение перед Владом, понимала, что он прав. Ей не хотелось, чтобы Борис застал ее в обществе Влада еще раз. Ревность – не ревность, а лишние сложности сейчас ни к чему. Но опасения были напрасны. «Вольво» у подъезда не было. Софья Наумовна доложила, что никто не звонил, и отправилась смотреть сериал.

Итак, Борис за неделю позвонил один раз. Поинтересовался, чем она занимается. Разговаривали без особых эмоций, и Маша поняла, что он все еще дуется. И вот не звонит который день. Это он ее наказывает, понятно.

Маша постояла у телефона и отправилась в ванную. Наполнив емкость горячей водой, взбила пену. Ноги ужасно гудели, и от предвкушения погружения в ванну ступни приятно покалывало. Маша опустилась в воду по шею и вытянула ноги. Горячая вода мгновенно приятно обожгла кожу, и изнутри на секунду плеснуло холодом. Кожа покрылась мурашками. Затем сразу окутало приятным теплом. Маша закрыла глаза.

В квартире Бориса ванная комната просто огромная. Больше их коммунальной кухни. Он хотел поставить туда черную сантехнику, но Маша ужаснулась и уговорила его не делать этого. Она любит, чтобы ванна и раковина сияли белизной. А кафель и полотенца были в теплых спокойных тонах. Так приятно полежать в белой ванне, ступить ногой на толстый ворс ковра, закутаться потом в мягкий пушистый халат. Скоро у нее все это будет. Кафель на кухню она выбрала бледно-салатовый. А гарнитур – почти белый, в мраморную белую крошку. Борис уже купил кухонный комбайн, большую электроплиту с просторной духовкой и стиральную машину с круглым окошком, которая выплевывает белье совершенно сухим.

Маша тихонько засмеялась. Предвкушение будущей комфортной жизни приходило постепенно. Она не думала об отдыхе на Канарах или кругосветном путешествии на огромном шикарном теплоходе. Хотя Борис ей все это обещал, а раз он обещал – сделает. Нет. Ей пока лишь хотелось бродить босиком по свежеуложенному паркету, вешать на окна красивые занавески или, забравшись в мягкое кресло с ногами, любоваться картиной на стене. Наводить уют в своем новом гнездышке, наслаждаться такими естественными радостями комфорта, как тепло, вкусная еда, красивая добротная мебель.

Маше казалось, что она никогда не устанет бродить по просторной четырехкомнатной квартире Бориса (то есть, конечно, их квартире) и убирать, усовершенствовать, украшать…

Там один только коридор размером с комнату Софьи Наумовны. Даже у них, в коммуналке, Альке удавалось сделать полное «колесо»: ноги, руки и снова ноги. Дальше упираешься в туалет. А в квартире Бориса? Маша усмехнулась. Тут, пожалуй, раз пять прокрутиться можно. По крайней мере Альке. Если начать крутить «колесо» в коридоре, через гостиную и в кабинет – раз пять-шесть точно уместится. Здорово. Мысль об Альке нажала у Маши в душе невидимый выключатель. Ишь размечталась. Самое главное сейчас – уговорить Бориса.

Маша выпустила воду и включила прохладный душ. Только вытерлась и накинула халат – зазвонил телефон. Маша босиком побежала в коридор. Конечно же, это Борис!

Вздохнула, пытаясь выровнять дыхание, и почти спокойным голосом прошуршала в трубку:

– Алло, я слушаю!

– Манюня! Бессовестная! Почему в выходные не приехала? Полмесяца в городе и до сих пор к лучшей подруге не наведалась! Нет тебе оправдания, поняла?

Маша опустилась на полку для обуви. Действительно – никакого оправдания. В семье одноклассницы и лучшей подруги Анны Маша была как родная. А тут – закружилась совсем, не собралась.

– Я как раз собиралась завтра приехать, – соврала Маша.

Анка что-то ворчала в трубку, но слышно ее было плохо – доносилось лепетание детей, которое разнообразилось выкриками бабушки – Анкиной матери.

– Почему у тебя дети так долго не спят? – спросила Маша.

– Почему-почему? Если у тебя, не дай Бог, будут когда-нибудь двойняшки, ты не станешь задавать таких глупых вопросов! – проорала в ответ подруга.

– Я завтра к вам приеду, ладно?

– Прямо с утра, пока все на работе, ага?

Договорились. Конечно, Анке хотелось поболтать. Но и Маша вдруг тоже поняла, что Анка как раз тот человек, который ей сейчас необходим. Иногда Анка может дать дельный совет. Дело в том, что она психолог по профессии. И все новые тесты проверяет на своей семье. Правда, до сих пор все было наоборот – Маша была психологом для Анки и частенько часами ковырялась в ее проблемах. Проблем было полно, а в последнее время, когда Анка родила детей и они вчетвером переехали к ее родителям, чтобы сдать трехкомнатную квартиру и на эти деньги как-то жить, проблем прибавилось.

Едва положила трубку, аппарат вновь робко звякнул, и Маша застыла как сфинкс, боясь дотронуться до трубки. Он настойчиво задребезжал вновь.

– Маша? – Голос Бориса был ровен и строг.

– Да, – так же строго отозвалась она.

– Я прилетаю сегодня ночью…

– Сегодня?

– Да. А завтра мы встретимся. Хорошо?

– Конечно! Ты приедешь ко мне или…

– Или. Я весь день буду занят, а после работы сходим с тобой куда-нибудь, если хочешь. Нам нужно кое-что обсудить.

– Да, конечно. Я могу зайти за тобой в офис.

– О’кей! Тогда в пять? Я тебя целую…

– В пять, – повторила Маша и добавила: – Я тебя тоже.

Утром Маша зашла на рынок, купила связку бананов и отправилась к Анке в Черемушки. Всю дорогу в метро выстраивала в уме предполагаемый разговор с Борисом. Судя по его тону и недельному молчанию, он пришел к какому-то решению. Иначе он позвонил бы раньше. И не говорил бы так сдержанно. И Машей бы не назвал. Для него она была Маня, он почему-то любил называть ее так. Тут могло быть одно из двух: или он за неделю остыл, все взвесил и пересмотрел свое отношение к Машиной проблеме, или думает, что пересмотрела она.

Он даже не предполагает, насколько его Маня продвинулась за эту неделю к своей цели. Конечно, с помощью Влада. В отделе опеки ей даже разрешили забрать девочку домой без нескольких необходимых справок. А документы дооформить потом. Теперь мешал только карантин по гриппу. Маша лишь сейчас, в вагоне метро, вдруг осознала всю реальность ситуации. И хотя она всю неделю ждала встречи с Борисом, сегодня струсила. А если он действительно скажет: или – или? Поэтому, когда она переступила порог Анкиной квартиры, была в полном смятении. Почувствовала некоторое облегчение, только когда высокая худощавая Анка стиснула ее в своих объятиях.

– Господи-и, – словно передразнивая кого-то, протянула Анка. – Вместо «и» в конце слова она произносила «я» и получилось «господя-я». Это восклицание могло означать что угодно: от крайнего изумления и восторга до упрека. В данный момент, надо думать, это было восхищение внешним видом подруги и, в частности, ее свитером, привезенным из-за границы.

На визг и шумные приветствия подруг из комнаты вынырнули две любопытные мордашки и уставились на гостью.

– Дети, вы меня узнали? – спросила Маша.

– Ты – Мася, – сказала девочка.

– Ты – Мася, – повторил мальчик.

Маша отдала детям бананы, и близнецы ненадолго исчезли в комнате. Подруги нырнули в кухню. Последние два года общались всегда одинаково: на кухне. Анка делала какое-нибудь свое дело, а Маша, если надо, помогала. Между делом болтали. Разговор, как правило, прерывался разборками детей, их кормлением, сменой штанов и прочим, прочим…

Сегодня Анка готовила суп и кисель. Маше досталось разминать брикет киселя вилкой – приводить его из твердого состояния в сыпучее.

Так получилось, что Анка первая вывалила на Машу свои проблемы. Они раздирали ее на части, и Маша сразу сообразила, что бедная ее подружка, два года заточенная в четырех стенах, естественно, жаждет выговориться.

Анка терла на терке крупную морковину и сообщала:

– Никогда не думала, что у Митьки столько недостатков. Ты даже представить себе не можешь! Он способен целый час сидеть в туалете.

– ?

– Ну, запрется там и газеты читает.

Маша прыснула.

– Нет, она еще смеется! А сколько он ест? Слоны столько не едят. Даром что худой. Причем в основном – мясо. Надо, чтобы гарнира под ним было не видно. Представляешь?

– Представляю. А ты рассчитывала, что он у тебя будет есть как котенок?

– Не иронизируй. Он лицемер. Сразу свое лицо не показывал. Первое время по утрам творожок ел да еще прихваливал. А теперь ему котлету подавай. Или колбасу.

Анка перетерла морковь и принялась кромсать луковицу. Маша уже знала: сейчас подруга перейдет к своей «второй маме» и разделает свекровь под орех.

– По выходным он ездит обедать к маме в Звенигород. Ну, ты знаешь… я туда ездить не люблю, да и некогда – то дети болеют, то еще что. Ну ни разу не было, чтобы она его не напоила. Всегда к его приезду у нее бутылочка готова. Это она нарочно. Ведь знает, стерва, что я терпеть не могу, когда от него пахнет. Ну нарочно и напаивает. Ревнует.

– А ты ей об этом говорила?

– А ты как думаешь? Она мне: «У нас в семье так принято». Если выходной, значит, обед с бутылкой.

Тема свекрови всегда распаляла Анку до белого каления, и Маша решила увести разговор в сторону. Следующей больной темой был Анкин отец. Сколько Маша его помнит, он всегда был недоволен дочерью. То «почему ты не отличница», то «почему до сих пор замуж не вышла», то «почему детей до сих пор нет». Когда Анка родила двойню, вопрос встал по-другому: «Почему дети такие шумные? Ты их плохо воспитываешь». Маша так и не понимала, как удается этому семейству два года уживаться на крошечной площади двухкомнатной квартиры.

– А как отец? – Маша наконец покончила с киселем и отодвинула миску с вилкой.

– О-о! – Анка закатила глаза к потолку. – Это что-то! У них теперь с Митькой полный ажур. Они по пятницам ходят в сауну. Мы с мамой должны бросить все и с утра собирать их в баню. И хоть тут тебе трава не расти – пятница теперь для них, как суббота для евреев.

Когда Анка наконец высыпала в суп лук и морковь, а кисель благополучно перекочевал в кастрюлю, Маша начала терпеливо перечислять достоинства Анкиных родственников. В первую очередь мужа.

Маша включила сюда его спокойный характер, высшее образование и, следовательно, интеллект, его приятную наружность, а главное – уживчивость.

– Анка, встань на его место и представь себя живущей с чужими родителями в малогабаритной двухкомнатной. Согласись, ему хуже, чем тебе.

– Да, Маша, умеешь ты пролить бальзам на мою израненную душу. Ну а у тебя-то как?

– Двояко.

– Как это? Он что – передумал жениться? Показал свое истинное лицо? Мне, честно говоря, твой рафинированный красавец никогда не нравился.

– Чем же?

– Уж больно хороший!

Анка выключила газ под киселем и накрыла кастрюлю крышкой. Позвала:

– Маша! Андрюша! Обедать.

Маше досталась рассудительная тезка. Непоседу Андрюшу Анка взяла на себя. Маша кормила девочку супом и рассказывала подруге о своей работе в Лондоне, об ухаживании Бориса, о том, как он сделал предложение. Анка только кивала, отправляя сыну в рот очередную ложку супа.

Пока Анка укладывала детей, Маша перемыла посуду. Потом подруги сами сели обедать, и теперь уже Маше ничего не мешало излить Анке свою душу. По ходу Машиного рассказа Анка как-то заметно грустнела. Задумывалась. Машу это настораживало. Может, подруга каким-то девятым чувством унюхала исход дела?

– Эй! – позвала Маша и внимательно вгляделась в подружкину физиономию. – Что скажешь?

Анка сидела, подперев кулаками печальное лицо, и смотрела мимо Маши в окно, на белую полосу от самолета, набирающего высоту. Она казалась сейчас такой усталой и замученной, что Маше стало до слез жаль подружку. Замоталась, бедная.

– Что сказать? – отозвалась та. – Умеешь ты, Машка, из жизни сделать приключение. Чего-чего, а этого у тебя не отнять.

– Ты что, мне завидуешь? – ужаснулась Маша. – Анка, да ты с ума сошла! Я на распутье, моя судьба на ниточке держится, а она: приключение. Никак не уловлю ход твоих мыслей, Анка.

Анка убрала тарелки, все в таком же задумчивом настроении двинулась по кухне. Достала из духовки завернутую в фольгу кулебяку. Эта кулебяка так тронула Машу, что она чуть не прослезилась. Это все Анкина мать. Услышала вчера, что Маша пожалует в гости, возилась ночью, стряпала. Кулебяку сделала, как Маша любит, с капустой.

– Серо в жизни и однообразно, – пожаловалась Анка, разрезая кулебяку. – Каждый день, как все предыдущие, расписан по часам: каша, стирка, прогулка, готовка, глажка и спать. Когда будет просвет? Ты – другое дело. В институте училась – вечно с Петькой своим в какие-то турпоходы по горам лазила. Кончили институт – все ваши по школам, ты – переводчик. По заграницам ездишь…

– Да это Борис! – изумленно ответила Маша. Но Анка, казалось, не слышала ее, продолжала свое:

– Жениха отхватила такого, что слюни у всех текут. И красивый, и богатый, и умный. Вроде должна начаться рутина, как у всех: муж, дети, обязанности. Нет, я не спорю: у тебя было бы лучше, чем у других. Комфортабельнее. Сытнее. Но все равно – рутина… Так нет! Ты снова делаешь виток и все карты спутываешь. Завидую я тебе, Машка…

Маша перестала хлебать кисель и, пораженная, с куском кулебяки в руке, слушала подругу. Странно увидеть свою жизнь со стороны да еще в столь неожиданном ракурсе.

– Что ты имеешь в виду под словом «виток»? Ты что же, намекаешь, что я своими руками разрушила роман с Борисом? Ты ставишь на нем крест?

Анка неопределенно дернула плечом:

– Что ты зациклилась: Борис, Борис… Будто он последний мужик на земле. Ты его уже цитируешь на каждом шагу, как китайцы Мао Цзэдуна. Если ты сделала такой выкрутас перед самой свадьбой, то, следовательно, в глубине души, подсознательно, не хочешь этой свадьбы. Это я тебе как психолог говорю.

– Что? – Маша уставилась на подругу. Быт определенно испортил Анку. Она потеряла способность здраво мыслить. Скоро дисквалифицируется напрочь. Пять лет учебы – коту под хвост. – Ты что несешь? Да я мечтала выйти замуж за такого, как Борис, да я…

– Вот! За такого! Ты не сказала «за него», ты сказала «за такого».

– Не цепляйся к словам, а то поругаемся. За что ты его невзлюбила?

– За то, что он подавляет тебя. Он – умный, он – хороший, он – вождь. А ты – тень. Это не твоя роль.

– Я к тебе за советом пришла, – напомнила Маша, доедая кулебяку. – Я не знаю, как быть. И все ты врешь. Я люблю Бориса и хочу за него замуж. Но и Альку предать не могу. Ситуация сложная, и мне нужен чей-то трезвый совет. Вернее, не чей-то. Твой. А ты срываешься на меня, как та кошка, которую в марте гулять не пускают.

– Хорошо, – деловито заговорила Анка, вытирая стол. – Скажи мне: что ты хочешь на данный момент? Только все свои желания. Начинай.

Маша допила кисель и отставила стакан.

– Хочу, конечно, выйти замуж за Бориса. Конечно, хочу забрать Альку из этого кошмара. Хочу заняться художественным переводом. Хочу иметь собаку, но ты же знаешь, у нас в коммуналке…

– Не отвлекайся.

– Ну вот. Что еще? Хочу поехать на море. Была всего один раз, с родителями. Мне года три было. Помню только…

– Достаточно, – перебила Анка. – Видишь ли, наша личность делится на субличности. У каждой субличности есть свое имя. Каждая имеет свой характер.

– Например?

– Ну, взять меня. У меня их восемь.

– Восемь?!

– В данное время я Анка, подруга Маши. Наслаждаюсь твоим обществом. Получаю удовольствие. Длительное время эта субличность скучала, томилась и страдала, так как ты была далеко. И я не знала, что с ней делать.

– Ну и?..

– Сегодня она полностью удовлетворена и довольна. Вот сейчас проснутся спиногрызы, и я буду мама. Мама хочет, чтобы Маша и Дрюша ели и спали по часам, были здоровы, хорошо воспитаны и довольны. Эта личность во мне сейчас самая сильная. Я ее сама боюсь иногда.

– Понимаю.

– Ну вот. Попытайся их высчитать в себе и выясни – какая чего хочет. И каждую, по возможности, пытайся удовлетворить. Тогда придешь в согласие сама с собой. И поймешь, как поступить.

– Так просто? – Маша засомневалась.

В спальне послышалась возня – проснулись близнецы. Анка двинулась их поднимать. Маша отправилась в прихожую одеваться – предстояла еще встреча с Борисом. В своих ботинках Маша обнаружила кожуру от бананов. Глянула – из обуви хозяев тоже торчат желтые уши банановой кожуры.

Анка привела сонных детей провожать гостью.

– Дети, кто это сделал? – показала Маша на ботинки, заранее зная и поэтому с удовольствием предвкушая ответ.

– Мася, – сказал Андрюшка.

– Дрюся, – вторила сестра.

В сквере Маша села на лавочку и достала из сумки блокнот и ручку. Оказалось, не так уж и трудно найти в себе эти пресловутые субличности. После некоторых раздумий в блокноте выстроился список:

1. Благоразумная Маня, невеста Бориса.

2. Дочь капитана Гранта – любительница приключений.

3. Маша – маленькая девочка.

4. Честолюбивая Мари, она же – мисс Совершенство.

Дальше шла Маруся номер 5 – лентяйка.

И последней в списке стояла та, которую с предельной точностью вычислил Борис:

6. Мать Мария.

Маша живо представила этих шестерых и даже нарисовала каждую в блокноте.

Они сидели за круглым столом и пили чай. Маленькая Маша, конечно же, дерзила честолюбивой Мари, плохо вела себя за столом и не слушалась старших.

Маруся-лентяйка тянула из вазы пастилу и запивала чаем. Она задумала улизнуть пораньше, чтобы не мыть посуду.

Дочь капитана Гранта снисходительно взирала на всех, изредка вставляя в разговор свои реплики. Благоразумная Маня вела диалог с матерью Марией и тщательно пыталась найти компромисс.

К концу вечеринки Маруся-лентяйка бесследно исчезла, а остальные встали по разные стороны стола.

К благородной Мане присоединилась честолюбивая Мари. Они нашли общий язык. Мать Мария строго взяла за руку маленькую девочку Машу, и тогда к этим двум, задорно тряхнув волосами, подошла романтичная дочь капитана Гранта. Так они стояли – две против трех, а Маша с интересом наблюдала за ними. Каким-то образом Маша почувствовала, что мать Мария сильнее остальных. Никто не в состоянии ей противостоять.

Маша глянула на часы и ахнула: пока она тут занималась самокопанием, время-то бежало! В офис к Борису она явилась на двадцать минут позже, чем договорились.

Глава 5

Борис сидел за компьютером и изящными движениями нажимал на клавиши – чуть лениво, небрежно. Как знакома ей эта его привычка!

Борис не заметил, что она наблюдает за ним через стеклянную дверь вестибюля. Его сосредоточенное лицо, манера морщить лоб и почесывать переносицу – все это вызывало в Маше теплую волну нежности. Захотелось подойти к нему сзади на цыпочках, накрыть ладонями глаза.

Маша наблюдала за Борисом и не сразу заметила, что и сама – объект наблюдения. А наткнулась на своего наблюдателя в зеркале. Это была Нинель. Вообще-то по паспорту она – обыкновенная Нина, но с ее же подачи она

именовалась в фирме не иначе как Нинель и была личной секретаршей шефа. Борис, поскольку был правой рукой шефа, вынужден был постоянно бок о бок работать с Нинель. Маша прекрасно знала, что Нинель ее терпеть не может. В принципе Нинель питала неприязнь, кажется, ко всем женщинам мира без исключения.

– Я забыла сумочку, – пропела секретарша, окинув Машу насмешливым взглядом, и подмигнула: – Любуешься?

Этот вопрос в лоб заставил Машу невольно смешаться. Она распахнула дверь в кабинет Бориса, он оторвался от компьютера и поднялся навстречу. Обнял, поцеловал в висок.

– Знаешь, Макс взял мою машину – отвезти своих на вокзал, должен быть с минуты на минуту. Подождем?

– О чем речь? – послушно согласилась Маша, сняла куртку и уселась в крутящееся кресло Бориса.

– Кофе хочешь?

Маша на секунду представила, как Борис сейчас позовет Нинель и попросит приготовить кофе. А та отбреет его, так как ее рабочий день закончился. Маша поморщилась и поспешила отказаться:

– Я ничего не хочу, не беспокойся.

Борис устроился напротив, на кожаном диване, и заговорил:

– Я все время думал о нашем последнем свидании.

– Да?

– Да. Я думаю, что нам, Мань, не стоит ссориться перед свадьбой.

– Не стоит, – согласилась Маша.

– Как я уже сказал, я думал обо всем этом, и мне кажется – я тебя понял.

Маша молча замерла в ожидании. Конечно же, он все понял! Он не мог не оправдать ее надежд!

– Я не учел особенностей твоей… мечтательной натуры. Ты у нас девочка добрая, отзывчивая… импульсивная, ведь мне, если разобраться, именно это в тебе и нравится.

– В самом деле?

– Меня не должен был так удивить твой порыв. Но пойми и ты меня, Мань… Ты требуешь от меня слишком уж… странных поступков.

– Странных?

– Да. Но все же я не остался безучастным. Поручил кое-кому прозондировать почву…

Маша вскинула на него глаза:

– И что?

– Все будет нормально. Я думаю, мы сумеем перевести ее в другое учреждение. Получше, посытнее. Есть, знаешь, всякие сейчас экспериментальные детские дома, под особым контролем…

Маша слабо усмехнулась. Вот оно что… «Под особым контролем…» Борис в своем репертуаре. Он забыл, кто перед ним, и держал свою речь на казенном языке делового человека.

– Ей не подойдут… учреждения, – возразила Маша, – ей нужны теперь близкие люди и любовь. Ты не видел, что с ней, а я видела.

– В прошлый раз ты утверждала, что она тихая девочка и с ней все в порядке. А теперь…

– С тех пор прошла неделя. Ты забыл – где она сейчас? Это психиатрическая лечебница. Она – здоровый ребенок, а там из нее сделают больного. Через неделю я собираюсь забрать ее. Ей нельзя там больше находиться.

– Даже так? Я смотрю, ты эту неделю не сидела сложа руки!

– Борис, милый, я не хотела тебя расстроить.

– Ну конечно! Ты готовила мне сюрприз. Должен признать, тебе это удалось, дорогая.

– Я думала, что за неделю ты примешь решение, свыкнешься с мыслью о девочке…

– Ну, знаешь! Маша, пойми одно: это чужой ребенок! Даже если бы я безумно любил детей, я бы сто раз подумал. Но я пока не питаю любви к детям. Больше того, их возня и крики меня раздражают. Их неопрятность, их невоспитанность просто бесят!

– Никогда не подозревала об этом.

Маша почувствовала, как субличность «Маша – маленькая девочка» боязливо поджала ноги под себя. Она иногда оставляла под подушкой фантики из-под конфет и забывала поставить на место тапочки.

Между тем Борис продолжал:

– Но больше всего меня поражает твое упрямство. Я делаю шаги навстречу, предлагаю варианты, а ты же уперлась как баран.

– Другой детский дом – это вариант?

– Да! В конце концов, можно найти приличную бездетную пару, они будут счастливы…

– А Алька? Сомневаюсь, что она…

Борис встал с дивана, прошелся и отвернулся к окну, хрустнув пальцами.

– Значит, наш брак ты вот так запросто поставила на карту?

Маше нечего было возразить. Выходит, что так. И все-таки она сказала:

– Не запросто. Я очень…

Но Борис, казалось, не слышал ее:

– Не ожидал! Мне казалось, что я все для тебя сделал…

– При чем здесь это, Борис? – удивилась Маша. – Разве в любви считают, кто для кого сколько сделал? Не говори глупостей. Ты прекрасно знаешь, как я тебя люблю!

– Глупости? Ну конечно, пустяки. Я лишь вытащил тебя из твоей вонючей школы и устроил в престижное агентство переводчицей.

Маша вскинула на жениха удивленные глаза. Господи, что с ним? Неужели он будет сейчас перечислять все свои заслуги? Но Бориса, похоже, теперь было не остановить.

– Или ты думаешь, тебя взяли за твое безукоризненное знание языка? Сама небось в Англии поняла, какое у тебя произношение!

Теперь Маша отстраненно наблюдала за Борисом. Как за чужим. На минутку показалось, что он – играет. Как актер. Репетирует чужой текст. Она впервые видела его таким. Но уж больно хорошо играл. Слишком похоже на правду.

– Или ты думаешь – шеф не нашел бы переводчицу получше, если бы я не уговорил его взять тебя?! Может быть, тебе не понравилось жить в пятизвездном отеле и чувствовать себя человеком?

– Я всегда чувствую себя человеком, – тихо сказала Маша. – И в отеле, и в коммуналке.

– О да! Твоя коммуналка – это особый разговор! – Борис всплеснул руками. Маша цепко следила за ним, как кинокамера за звездой экрана. – Я должен был учесть, что ты выросла среди алкоголиков, нищих старух и неудачников. Мне всегда казалось, что ты, как никто другой, будешь ценить то, что тебе преподнесла жизнь. Так нет же!

– Насколько я понимаю, она мне преподнесла тебя, – негромко уточнила Маша.

– Вот именно! Я открыл перед тобой возможности. Скажешь – не так? Ты прекрасно знаешь, что со мной могла бы посмотреть мир, жить в прекрасных условиях, менять наряды хоть каждый день! Кто тебе это даст? Может, твой сопливый юрист, с которым ты всю неделю за ручку держишься?

Маша задохнулась от возмущения:

– Ты что, шпионов ко мне приставил?

– Ты пока еще моя невеста! И я интересуюсь, как ты проводишь время в ожидании свадьбы.

– Ах вот как? Так невеста или подследственная?

– Называй это как знаешь! Только помни, дорогая, если сделаешь что задумала, свадьбы не будет.

– Ее не будет в любом случае, – уточнила Маша, стягивая кольцо.

Секунду покрутила его в пальцах и аккуратно положила на край стола.

– Ой-ой-ой! – запаясничал Борис. – Какие жесты!

Его лицо исказилось, став почти страшным. Маша отвернулась, чтобы не видеть, и взяла куртку. Надо уходить – слезы слишком близко. Еще не хватало зареветь здесь. Борис протянул ей кольцо:

– Можешь оставить себе! Продашь, когда есть нечего будет!

Маша уже бежала через вестибюль, мимо удивленной технички, сумка на длинном ремешке колотила по щиколоткам, путаясь под ногами, но Маша так и не догадалась повесить ее на плечо. Как зажала ремешок в кулаке, так и держала, пока не выбежала на воздух. На крыльце столкнулась с Максом – шофером шефа. Широкоплечий бритоголовый Макс переминался с ноги на ногу, не зная, что нужно делать, когда на тебя налетают ревущие девчонки. Он был похож на борца из старинного цирка, но Маша знала, что добрее Макса человека в фирме нет. Еще он отличался неимоверной молчаливостью и был абсолютно лишен любопытства. За это его здесь и ценили.

– Ты это… Если чё надо… Отвезти домой или…

Маша выдавила из себя улыбку. Еще бы. Макс произнес целую речь. Это от души.

– Подвезти? – повторил он.

Увидев серебристый «вольво», Маша почти шарахнулась в сторону и махнула на Макса рукой. Казалось, они поменялись ролями – теперь уже она не могла вымолвить ни слова.

– Ты, если куда отвезти, звони. Я всегда, – сказал Макс.

Маша покрутила головой:

– Мы с Борисом расстались, Максик. Совсем.

– Ну и что, – невозмутимо ответил великан, – я тебя просто… как человека…

Маша улыбнулась сквозь слезы и сбежала по ступенькам вниз.

Пятый день Маша валялась в постели с тяжелой разновидностью гриппа, которая настигает всегда внезапно и совершенно не интересуется, есть ли у тебя время и возможность побездельничать недельку-другую.

К неприятным ощущениям в горле добавилась головная боль и прыгающая температура. Все это не давало скучать. Днем, когда температура держалась

чуть больше 37 градусов, Маше приходилось кутаться в одеяла и пледы, а вечером столбик термометра упирался в отметку «40», и ей уже хотелось открыть форточку.

Как сказал бы врач – душевное состояние больной не способствует выздоровлению. Разрыв с Борисом не укладывался в голове и поэтому торчал там неудобным болезненным вопросом. Видимо, это был тот случай когда сначала совершаешь поступок, а потом начинаешь его обдумывать. Благо времени на обдумывание жизнь подкинула предостаточно. Не хотелось ни читать, ни смотреть телевизор.

Маша лежала на разобранном диване и слушала звуки. Крики детей за окном, звонки трамваев, визги автомобилей. За дверью комнаты – осторожное шарканье тапочек Софьи Наумовны, звук отключающегося холодильника в кухне, плеск воды.

Итак, она опять одна. В субботу позвонит тетя Света из Самары и будет допытываться, как продвигается подготовка к свадьбе. Придется врать. Не скажешь же тете Свете, что она сама, собственными руками, сняла с пальца кольцо с бриллиантом и чуть не бросила в лицо жениху? Как выражаются на Западе – разорвала помолвку. У нас об этом говорят проще. Бросила. Отшила. Вильнула хвостом.

Да, именно так и выразилась бы тетя Света: «Тебе шанс выпал, дуре, а ты хвостом виляешь. Непутевая ты, Мария, вот что я тебе скажу. И толку из тебя не будет. Прокукуешь молодые годы одна. Пробросаешься! Мне бы твоего Бориса, я бы ему ноги мыла и этой водой сама потом умывалась бы!»

Возмущенный голос тети так явственно звенел в ушах, что Маша садилась на диване и озиралась кругом. Но в комнате всю неделю появлялась лишь Софья Наумовна, ходившая за больной как за собственной дочерью.

Маша страдала. Иногда сами собой начинали течь слезы, сползая по горячей щеке на подушку. Маша безучастно вытирала лицо пододеяльником.

Пожалуй, она не смогла бы сейчас внятно объяснить себе, отчего плачет. От слабости и боли во всем теле? От обиды? Оттого, что Борис вдруг вышел из роли сказочного принца и открыл ей безжалостно то в себе, что так долго и

тщательно скрывал? Оттого ли, что рассыпались мечты о красивой жизни?

Одиночество нависло над девушкой своей серой массой. Все субличности куда-то испарились, и под одеялом, скрючившись комочком, осталась лишь одна Маша – маленькая девочка. Ей хотелось плакать.

Весь день она перебирала фотографии, сделанные в Англии, вновь переживала счастливые моменты и пила, пила свое горе.

На снимках Борис был веселый, глаза смеялись. Она тогда даже не подозревала, что они могут быть другими. Что в них с легкостью поместится столько злости и ярости. А что, интересно, чувствует он сейчас? Все еще злится?

Возможно, вспышка гнева от ее жеста с кольцом уже прошла и он тоже с грустью и сожалением думает о случившемся. Думает совсем по-другому, чем пять дней назад. Переживает.

Конечно, он не может не переживать, ведь он любит ее! А иначе – разве он захотел бы жениться! Ведь если ее можно было заподозрить в расчетливости по отношению к нему, то его уж точно нет. Какой ему в ней расчет? Смешно. Она совершенно обыкновенная.

Значит, он теперь тоже болезненно переживает их разрыв. Ходит по своей огромной квартире, курит, нервничает.

А может быть, он уже успел посмотреть на все другими глазами и их размолвка кажется ему естественной нервной вспышкой перед свадьбой? Одной из тех, которые угасают так же быстро, как и загораются? Вспышкой, от которой назавтра не останется и следа?

Маша села на диване и отбросила одеяло.

Если так, то он может прийти в любую минуту! Как она об этом раньше не подумала? Он давно простил ее и готов на все ради их любви. Он просто вспыльчив. Упрям, как капризный ребенок. Но все давно прошло. Он придет, увидит, как она больна и беспомощна, и все остатки обиды растворятся без следа. Это же очевидно! Маша стащила с себя ночную сорочку и натянула

спортивный костюм. Тело ныло при малейшем прикосновении. С трудом верилось, что еще неделю назад она энергично двигалась по квартире, бежала к метро или пулей влетала к себе на третий этаж.

Маша поправила подушки, аккуратно натянула простыню и накрыла постель пледом. От произведенных усилий на лбу выступили капельки пота. Спина тоже стала влажной. Как противно болеть!

Маша дотянулась до стола и взяла таблетку аспирина.

Пронзительный звонок в коридоре заставил ее вздрогнуть. Таблетка застряла в горле, и Маша поперхнулась. Торопливо хлебнула воду из чашки.

Звонили два раза – это к ней!

Конечно, это он! Не зря же что-то подсказывало ей, что он непременно придет сегодня. Неделя для него оказалась такой же невыносимо длинной и одинокой, как и для нее.

Она с замиранием сердца слушала шарканье тапочек и бормотание Софьи Наумовны, щелчок замка, звяканье цепочки. Приглушенный мужской голос, шуршание целлофана.

Маша укуталась в плед и подтянула к себе книжку.

Когда в дверях появилась жизнерадостная физиономия Влада, Маша не сумела совладать со своей мимикой. Лицо разочарованно вытянулось, и глаза моментально стали влажными.

Это был всего лишь Влад.

– Привет болящим! – не замечая ее реакции, провозгласил он. – Посетителей принимаете?

Маша кивнула. Он достал из пакета апельсины, сироп шиповника и какие-то лекарства. Маша подвинула гостю стул, а сама снова забралась с ногами на диван.

Она уже успела справиться с разочарованием, и вид суетящегося Влада вызвал у нее улыбку.

– Ну и сервис в вашей конторе! – поддела она. – К больным клиентам на дом выезжаете?

– Фирма веников не вяжет, – согласился Влад и почистил апельсин. – А ты чего это болеть вздумала? Я позвонил вчера, твоя соседка сказала, что ты совсем плохая. Но теперь я вижу: надежда на выздоровление есть. Пусть небольшая, но…

– Издевайся. Вот надышишься моими микробами, тогда…

– Не заболею. Меня ни один микроб не берет. Иммунитет хороший. Ну а как твоя подопечная? Карантин сняли?

– Нет. Но я звоню ей каждый день. Вчера она сказала, что ее выписывают скоро. А я, как назло, свалилась.

– Наверное, ребенок расстроился. Хочешь, я к ней съезжу?

– Не надо. Ты ее только напугаешь, она ведь тебя не знает. Я еще пару дней поваляюсь и думаю идти на поправку. И сразу заберу ее. Знаешь, судя по интонации, ей уже лучше. Конечно, ответы односложные: да, нет. Говорю в основном я, но все же это прогресс по сравнению с тем, что было. Она хотя бы отвечает на вопросы.

– Она живет надеждой, которую ты ей подарила.

– Наверное.

– Как только ты поправишься, мы вместе съездим за ней. – Влад протянул Маше ароматные дольки, сам же принялся жевать корочку.

– Ты хочешь поехать со мной? – уточнила Маша.

– Не возьмешь? – спросил Влад. – Я так много наслышан о твоей необыкновенной соседке, что мечтаю познакомиться. Можно?

– Почему нет? – задумчиво произнесла Маша, глядя, как Влад уплетает апельсиновые корочки. – Вот только… я все подсчитываю – хватит ли у меня денег оплатить все твои услуги.

Маша сама не поняла, что ее дернуло так царапнуть Влада. Он вскинул на нее удивленные глаза. Маша попыталась улыбнуться. Разве этот парень виноват, что она рассталась с женихом? Разве кто-нибудь в этом виноват, кроме нее, Маши?

– Та-ак, – протянул Влад и подвинул стул к дивану. – Давай так: о деньгах больше ни слова. Считай, что в твоем случае наша контора занимается благотворительностью. Ясно?

– Мы так не договаривались, – возразила девушка.

– Ну так давай договоримся, – предложил Влад. – Могу я раз в жизни сделать доброе дело?

В комнату постучали.

Софья Наумовна принесла чай на подносе и поставила на письменный стол.

– Вы извините, что я вмешиваюсь, но мне кажется, Машенька, молодой человек прав. У вас теперь и без того появится столько расходов!

– При чем тут мои расходы! – воскликнула Маша и осеклась.

Не хватало еще обидеть Софью Наумовну.

– Софья Наумовна, что же вы себе чашку не принесли? Давайте вместе пить чай.

– Спасибо, Машенька, я – уже.

– Просто я хочу стать твоим другом, – продолжая свою мысль, произнес Влад и, отхлебнув горячего чая, добавил: – Поскольку место жениха, к сожалению, занято.

Софья Наумовна быстро глянула на соседку и вышла. Уж она-то была в курсе Машиных дел.

– Уже не занято, – буркнула Маша и потянулась к чашке.

– Что, неужели все так серьезно?

– Кажется, да. Только не говори, что ты предупреждал меня!

– Молчу, молчу…

У Влада было такое выражение лица… Сквозь вежливое сочувствие в нем плескалось мальчишеское озорство.

Маша напряглась. Если он посмеет пошутить по этому поводу, она за себя не ручается.

Он отставил чашку и совершенно серьезно произнес:

– Маша… Я выражаю свое соболезнование… твоему бывшему жениху. Мне его искренне жаль.

Маша улыбнулась. Все-таки Влад – милый. На него невозможно рассердиться. И все-таки он единственный навестил ее, не боясь заразиться. Пытается развеселить.

Маша помешивала свой чай ложечкой, гоняя по чашке прозрачную дольку лимона.

– Я пришла к выводу, – соврала она, – что не стоит свои лучшие годы тратить на замужество.

– А как же я? – Влад произнес свой вопрос тоном крайнего огорчения.

Маша сделала суровое лицо.

– Ты только что получил прекрасное место друга. Не слишком ли быстро ты мечтаешь продвинуться? Как не стыдно!

– Но ведь место жениха свободно…

– Оно попало под сокращение, – отрезала девушка. Влад притворно-тяжело вздохнул.

Когда он ушел, Маша включила телевизор и стала смотреть, не понимая того, что творится на экране.

Почему-то именно сейчас до нее дошло, что Борис больше не придет. Не станет звонить и не сделает ни шагу в восстановлении порванных отношений. Палец без кольца казался беззащитно-голым. Слез больше не было. Маша выпила димедрол и заснула до утра.

После того как прошли основные симптомы гриппа, на Машу обрушился надоедливый изнурительный кашель. Не помогали ни бромгексин, ни горчичники, ни редька с медом, приготовленная заботливой Софьей Наумовной. Пришлось торчать полдня в поликлинике, проклиная эти вечные очереди.

Очередь в регистратуру, очередь возле кабинета врача, очередь на рентген. Меньше всего сейчас хотелось, чтобы грипп осложнился воспалением легких.

Домой вернулась в пятом часу и застала Софью Наумовну в слезах.

– Что еще стряслось? – Маша прошла за расстроенной соседкой в кухню и налила той стакан воды. – Что-нибудь у Лины?

Дочка Софьи Наумовны, Лина, давно замужем, мать двоих детей, была эпицентром переживаний Машиной соседки. Поводов всегда находилось много: часто болеют дети, нелады Лины с начальством на работе, измена мужа… Все

события в жизни дочери рикошетом отскакивали в хрупкую Софью Наумовну. Маша уже к этому привыкла. Приготовилась и на этот раз выслушать очередную историю.

Но старушка отрицательно покачала головой:

– Алечка наша… Алечка…

– Что с ней?

Маша почувствовала, как холодеют пальцы.

– Пропала!

– То есть как – пропала? Что вы такое говорите? Я вчера лично с ней разговаривала по телефону. Мы условились, что в конце недели я приеду за ней. Из больницы ее выписали. В чем дело?

– Она не из больницы пропала, а из приюта. К нам в обед милиция приходила. Думали, что она домой убежала. Ее нигде нет.

Губы у Софьи Наумовны дрожали. Маша опустилась на табуретку.

– Софья Наумовна, выпейте воды, – рассеянно произнесла девушка и сама отхлебнула из стакана. – Давайте по порядку. Я ничего не соображаю. Итак, в детский дом она вернулась вчера днем. Так?

– Так. А сегодня утром младших детей повезли на экскурсию. Куда-то в лес.

– В лес? Какие сейчас экскурсии? Клещей полно. Они что там, с ума посходили?

– Не знаю. – Софья Наумовна нервно теребила носовой платок. – Дети рвали подснежники, жгли костры, а когда стали собираться – одного ребенка недосчитались. Нужно же было такому случиться: это была именно наша Алечка.

Софья Наумовна всхлипнула.

– Они ее искали? – Маша спросила и тут же поняла, что вопрос глупый. Конечно, искали. И в милицию заявили сразу. Дело-то подсудное. Недоглядели ребенка.

В милиции сразу же предположили, что девочка не стала ждать, когда ее опекунша выздоровеет, и убежала домой. Но вот уже пять часов вечера, а девочки нет как нет.

– Что ведь творится кругом, Машенька, – не унималась старушка, – детей воруют, продают за границу ради здоровых органов! А девочек таки просто ради забавы. Я читала недавно…

Маша вскочила. Слушать, что там начитала соседка, было невыносимо.

– Бросьте, Софья Наумовна, страхи-то разводить! У Альки и вид-то не такой уж здоровый, чтобы украсть ее с подобной целью. Наоборот, вид у нее скорее болезненный. Бледный вид.

– Вы так считаете? – недоверчиво переспросила старушка.

– Да. Думаю, что она просто заблудилась. Она мечтательница, не любит шумное общество. Побрела по опушке, углубилась в лес. От детей подальше. Могла даже задремать на свежем воздухе. Солнышко припекает. Она ведь месяц взаперти сидела. А тут сразу – в лес. Уснула и не слышала, как ее зовут все.

Маша говорила, пытаясь быть убедительной, а сама в это время натягивала сапоги, застегивала куртку, искала сумку.

Надо что-то делать. Бежать. Искать. Нельзя терять ни минуты.

Через несколько мгновений она уже бежала вниз по лестнице, все еще ощущая в теле болезненную слабость.

Глава 6

Лучше утешать других и вселять в них надежду! Сутки, потраченные на поиски ребенка, ни к чему не привели.

Маша была в отчаянии.

Вчера, едва она позвонила Владу в контору, он примчался, и они приехали в детский дом. Там им в точности повторили рассказ Софьи Наумовны, добавив лишь незначительные детали.

– Но зачем, почему детей вывозят за город на экскурсию в конце апреля месяца, когда в лесу полно клещей и толком нет ни цветов, ни зелени? – вопрошала Маша, глядя в холодные глаза директрисы.

– А куда, милая девочка, деть такую ораву детей, если приехала санэпидемстанция бороться с тараканами? – невозмутимо ответила та.

Что тут возразишь?

На этот раз даже Машин десятилетний знакомый не мог прояснить ситуацию. В тот день он на экскурсию не ездил, поскольку был дежурным по кухне.

Небольшой компанией – Маша, Влад и двое его друзей – поехали на место экскурсии. Прочесали лес вдоль и поперек. Безрезультатно. Следов было столько, что трудно было за что-то зацепиться. Прошлогодние листья разворошены, фантики от конфет, следы костра…

Уехали ни с чем.

Разговор со следователем тоже не утешил их.

– Вы знаете, сколько детей каждую весну убегает из детских домов? Перезимуют и бегут, – с усталой снисходительностью вещал пожилой, видимо, отягощенный заботами следователь. – Не успеваем отлавливать. И ваша найдется. Вынырнет где-нибудь в Арзамасе.

– Нет! – упрямо доказывала Маша. – Она не могла убежать. Это исключено. Она знала, что я оформляю опекунство, что я ее скоро заберу. Зачем ей было

убегать?

– Кто знает, – возразил он. – А может быть, она вам не поверила. Или, допустим, ее дети обидели. Или воспитатели. Ну, мало ли что… Да и потом… она ведь, кажется, в психиатрической больнице лежала? Кто знает, что у нее на уме?

Маша нетерпеливо тряхнула головой.

– Вы так говорите потому, что ее не знаете! – кипятилась она. – Ну не из тех она, кто убегает. Убежать куда глаза глядят? Да кроме нас с Софьей Наумовной, у нее никого нет!

Следователь устало вздохнул.

– Ну и что же вы лично предполагаете?

– Я думаю… может, ее украли?

– Конечно, есть случаи – воруют детей, – согласился следователь. Он сел напротив Маши за свой стол и положил руки перед собой. Он смотрел на нее как терпеливый учитель на дотошного ученика. – Ну сами подумайте, девушка. Вот вы задумали украсть ребенка. Наверное, вы выберете одиноко играющего во дворе, а не детдомовскую ораву в лесу, где вас обязательно заметят две-три пары любопытных глаз.

– Ведь не заметили…

– Потому и не заметили, что не было никого. Хотя, конечно, мы и этот вариант не исключаем. Проверим.

И следователь поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Мысли у Маши разбегались. Она никак не могла объяснить себе это злополучное событие. Ни с каких сторон оно логике не поддавалось. Ну не могла Алька убежать, зная, что на днях, а именно через два дня после экскурсии, ее заберут домой и все будет нормально!

* * *

Она брела по тротуару, уставившись себе под ноги, и думала, думала.

В голове не было никакого плана, только суетились беспорядочные, тревожные мысли.

Когда с ней поравнялся серебристый «вольво», Маша не сразу заметила сей факт и некоторое время шагала вровень с машиной.

– Маша…

Она обернулась и увидела Бориса. Почему-то совсем не удивилась, молча кивнула ему, продолжая двигаться.

– Тебя подвезти?

– Нет-нет. Спасибо. Я просто гуляю.

– Я вижу, ты совсем замерзла. Садись.

Маша пожала плечами и открыла дверцу машины. Борис улыбнулся.

– Хочешь кофе? Тут рядом есть приличное кафе.

– Можно.

К встрече с Борисом Маша была не готова. К такой вот неожиданной, на улице. Если бы он сам пришел к ней домой, тогда понятно. А так… Как себя вести? Как со старым другом или как с бывшим женихом после ссоры?

Но когда они пришли в кафе и уют этого крохотного заведения на три столика окутал ее, она поняла, что рада встрече. В конце концов, он выслушает ее. Когда-то он легко решал все проблемы. Он все знает, все умеет. Пусть хотя бы посоветует что-то! Ей сейчас не думалось о своих личных отношениях с Борисом. Это потом. Сейчас Алька.

Кофе был настоящий, свежесмолотый, ароматный, крепкий. Пирожные аппетитно пестрели на тарелке. Все как положено.

А здесь правда ничего. Уютно… Маша сняла перчатки.

– Ну как у вас дела в фирме?

– Все о’кей. Новый контракт заключили, с немцами.

– Поздравляю. Я рада.

Маша вдруг почувствовала, что сейчас закашляется. Как назло, кашель был затяжной, надрывный, сухой.

– Хлебни горяченького.

Маша послушно отхлебнула из чашки. Помогло. Борис сходил к стойке и вернулся с пачкой ментоловых леденцов.

– Это «Холс». Помогает.

Маша засунула леденец за щеку.

– Ты что-то бледная сегодня. Болеешь?

– Уже нет. Гриппом болела всю неделю.

– А-а… Я когда тебя на улице увидел, сразу понял, что у тебя проблемы.

– Да. Правильно понял. У меня проблемы.

Маша крутила в пальцах чашку и соображала, с чего начать. Следя за ее нервными движениями, Борис вдруг внутренне напрягся. А что, если… Ну конечно! И выглядит бледнее обычного, и эти дрожащие пальцы, и круги под глазами. Она не знает, как ему сказать!

– Ты что… беременна? – подсказал Борис, пытливо разглядывая лицо своей бывшей невесты.

Пальцы ее остановились, она подняла на него удивленные глаза. Рот открылся сам собой. Несколько секунд она так и сидела с открытым ртом, не зная, что сказать.

– Почему ты так решил?

– Господи, Маня, я же не мальчик! У женщин это заметно сразу. Лицо меняется. Да и потом, эти твои причуды с удочерением, эта безобразная сцена в офисе. Я должен был догадаться, что за этим кроется! Да это типичные капризы беременной женщины! А до меня как до утки, на третьи сутки! Господи, да это, в конце концов, меняет дело. Я же не знал! Да ты, конечно же, и сама не знала. Или знала?

Он накрыл ее ладони вместе с чашкой своими и буквально просверлил взглядом. Кажется, он был доволен своей сообразительностью. Такой поворот дела несколько смутил девушку. Было даже жаль разочаровывать его. Она спросила неопределенно:

– Что же это меняет?

– Ну не будь такой злюкой, Мань. Все меняет. Мы женимся. Ты рожаешь ляльку и нянчишься с ней сколько влезет! Когда у тебя появится свой ребенок, ты поймешь, как это нелепо – заниматься чужими.

– Но дело в том…

– Я все понимаю. Найдем, кто ее удочерит. Тебя это волнует? Найдем. Тебе нельзя так все воспринимать. Ты хоть у врача-то была?

– Была.

– Когда?

– Вчера утром.

– Ну и что?

Маша высвободила свои руки, отставила чашку в сторону.

– Мне очень жаль, Борис, но я не беременна. Я была у врача по поводу кашля. – Маша улыбнулась и добавила: – Но тронута твоим отношением. Вот уж не думала, что ты так обрадуешься.

– То есть как не беременна? Ты же сама сказала, что у тебя проблемы!

– Что, по-твоему, у меня других проблем не может быть?

Борис отодвинулся, оглянулся, полез за портсигаром. Закурил. На лбу пролегла складка. Маша почему-то почувствовала себя неловко. Словно она нарочно обманула его.

– Ну и какие же у тебя проблемы? – угрюмо поинтересовался Борис, не глядя на девушку.

– Алька пропала. Из детского дома.

– Опять двадцать пять! – Борис невесело усмехнулся. – Похоже, этот ребенок вознамерился мне испортить жизнь!

– Борис, я не знаю, что делать! Следователь считает, что она убежала. Но я не верю. Зачем? Куда? Они с детьми в лесу на экскурсии были. Все дети на месте, а ее нет. Если она убежала, то, может, заблудилась? Я совершенно не представляю, что нужно предпринять.

Борис молча курил, хмуро глядя в окно, а Маша торопливо выкладывала все имеющиеся у нее сведения. Когда она закончила, он развернулся и посмотрел ей в глаза.

– Ну подумай: при чем здесь ты? На это есть милиция. Предоставь это им. Поверь, там не одни дураки работают. Пусть ищут!

– Но следователь сам признался, что у них полно дел. Одних убийств нераскрытых…

– Это их проблемы. Тебе не приходило в голову, что все это – не случайно?

– В каком смысле?

– Ну, что это, как говорят – не судьба?

– Ты что, Борис! Я ей уже почти опекун!

– Почти! Ты была почти моя жена, но не побоялась расторгнуть помолвку! А тут жизнь сама твое опекунство разрушила. Значит, так надо! Скажи, если бы не было этой девчонки, ты бы бросила меня? Честно!

– Думаю, что нет.

– Ну! Я так и знал! Она мне как кость в горле! Извини, я задеваю твои соседские чувства. Это все понятно.

– А я думала, что ты мне поможешь. Теперь вижу – напрасно.

Маша поднялась, намереваясь уйти, но Борис потянул ее за рукав и усадил на место. Он прищурился. В его взгляде мелькнула какая-то мысль. Идея. Маша подчинилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В романе использованы ранее не публиковавшиеся стихи автора.

Купить: https://tellnovel.com/znamenskaya_alina/progulka-pod-lunoy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити